

Прославленным и нищим,
любимым и гонимым, —
вам, блуждающие звезды
нашего кино, —
посвящаем этот номер

СОВЕТСКИЙ

Октябрь

15.90

Ходить с Мамукой по городу совершенно невозможно, поскольку через мгновение после того, как вы выйдете, вас, а точнее, его, окружают друзья, друзья друзей, знакомые, к которым принадлежит практически каждый повстречавшийся. И Мамука с каждым поздоровается, каждого обнимет, спросит: «Как живешь, дорогой?»

«Жизни Дон Кихота и Санчо»

том». Незадолго до этого я окончил институт. Пожалуй, Резо Чхеидзе был единственным человеком, который в меня в то время верил. И он добился, чтобы роль Санчо играл я.

С ним не просто работать так, как работали мы, — долгих пять лет. Чхеидзе не отдыхает — не ест, не пьет, не присаживается во время съемок. Мне — молодому человеку — неудобно было говорить, что я устал.

— Мамука, но знаменитым ты проснулся после «Мерзавца»?

— Режиссер «Мерзавца» Вагиф Мустафаев — совсем молодой человек, а сделал, по-моему, для азербайджанского кинематографа да и для народа азербайджанского очень много. И вот ведь что интересно: у нас с ним разные языки, разные религии, мы совершенно разные люди, а понимали друг друга с полуслова, а потом и без слов.

Вообще что такое «проснулся знаменитым»? У нас в Грузии, например, к творческим людям отно-

тил, поговори со мной, дорогой! Может, это черта провинции, может, чисто грузинская, может, я вообще что-то не так понимаю — не знаю. Может, попался такой инспектор... Но у нас их мало — тех, которые попадают, а здесь много.

— Ты комедийный актер. До 9 апреля прошлого года все было проще и ясней. Как сейчас в Грузии относятся к смеху, к юмору? Он нужен? Он не кощунство?

— Говорят, мир выжил, потому что смеялся. Я себя не сравниваю с Чаплином, но ему ведь тоже, наверно, было невесело, когда он снимал «Диктатора». Я должен делать так, чтобы людям было весело. Это в конце концов моя профессия.

Вся история Грузии — в войнах. Порой страшных. Сейчас мои соотечественники борются за независимость моей родины, и я — актер — могу поддержать их только своим делом. В старые времена была в Грузии театральная труппа, которой руководил Мачабели, — шла война, они сопровождали войска, играли перед ними спектакли, и все погибли. Искусство (и веселое в том числе) должно быть вместе с народом.

— Ты был 9 апреля в Тбилиси?

— Я был в Одессе. Самолеты в Тбилиси оттуда летают раз в три дня. В ту ночь со мной творилось что-то страшное. Утром помчался в аэропорт, взял билет до Баку — на Тбилиси рейса не было. Я ничего не знал, но чувствовал, что происходит что-то ужасное. В Баку меня встречали друзья, но, увидев их, я прошел в другую дверь — иначе пришлось бы задержаться. Девятого вечером я ехал по тбилиским улицам из аэропорта и видел, как несли на руках трупы погибших. Это самый страшный день в моей жизни. Тогда я поклялся себе: если я человек, если мужчина в конце концов, буду бороться против этого зла.

После 9 апреля я поначалу не мог работать. И не хотел. Было какое-то удивительное ощущение: профессия, семья, родственники — вдруг все стало все равно. Я ехал на машине с панихиды по шестнадцатилетней девочке, убитой лопатками, и увидел — знаешь, как бывает в картинах хороших режиссеров про фашистов? — вокруг танка катался на велосипеде солдат с автоматом. Ужасно: мне захотелось его задавить...

А потом этот парень вдруг сделал какое-то движение ногой, как делает ребенок. То ли поскользнулся, то ли еще что-то. И вдруг стало страшно: до чего же можно дойти?

— Понимаешь, посеянное зло рождает другое зло. Цепная реакция...

— Я думаю, многие конфликты, которые сейчас возникли в нашей стране, существуют только для того, чтобы наша армия оправдала свое существование. Она же не может посадить самолет, и самолет долетает до Красной площади, она не может уследить за оружием, и автоматы продаются чуть ли не на базарах, она непрофессиональна, и в Баку офицер стреляет в цель, а попадает в глухонемого мальчика, находящегося в десяти метрах влево и в восьми метрах выше цели... В стране нечего есть, а палестинцы воюют с Израилем в нашей одежде, нашим оружием, на наших самолетах. И Язов получает звание маршала. И Карабах, и многие другие национальные конфликты, по-моему, устроены для того, чтобы оправдать существование неисчислимой армии наших генералов.

КАК ЖИВЕШЬ, ДОРОГОЙ?

Мамука Андреевич Кикалейшвили, Мамука, как запросто зовут его все, за год стал одним из самых популярных, самых снимаемых актеров страны. Одна за другой выходят на экран картины с его участием — в основном комедийные. Возможно, поэтому наш разговор с Мамукой кого-то удивит чрезмерной серьезностью, вроде бы несвойственной человеку, от которого ждут, что он будет смешить и только смешить. Тем, кого это обстоятельство озадачит, скажу лишь одно: в нашей жизни все в последние годы так перепелось, так перепуталось, что совершенно не разберешь, где веселое, а где грустное...

И еще одно маленькое уточнение. Мы с Мамукой знакомы давно, но и со старыми друзьями, и с большинством недавних знакомцев он всегда «на ты». И нет в этом никакой фамильярности. Просто с ним легко — едва познакомился, а уже кажется, что знаешь не десять минут, а десять лет.

— Мне было 23 года, когда мы начали работать над «Дон Кихо-

ся» более уважительно, чем где бы то ни было. У нас уважают актеров. А в Москве... В Москве нас как-то остановил инспектор ГАИ — Ярмольника, Абдулова и меня. Я был в ужасе, чуть с ума не сошел — инспектор у Абдулова спрашивает документы, не узнает его в лицо! Да если бы у нас в Тбилиси это было! Инспектор увидел бы, что Абдулов в машине, сказал бы: ах, как хорошо, что я тебя встре-

— Я где-то читал, что у нас неправдоподобно высокий процент генералов по отношению к общему числу военных.

— И вот уже генерал Родионов выступает на Съезде и говорит, что в Тбилиси были антирусские лозунги. Опять все то же натравливание одного народа на другой. Просто удивительно! Как антикоммунистический лозунг можно превратить в антирусский? Что, среди грузин нет коммунистов? Почему, по Родионову, коммунист и русский — одно и то же? «Дружба народов» — само понятие странное. Мне кажется, дружить должны люди, а не народы. Нам столько лет вдалбливали, что абстрактный литовец должен любить абстрактного венца. Как он может его любить — он его и не видел-то никогда?..

— Ты забыл, что литовцев ссылали как раз к немцам. Что только не делало государство для укрепления «дружбы народов»!

— После 9 апреля ко мне в Тбилиси приезжали мои друзья — и Леонид Ярмольник, и Андрей Макаревич, и Иван Дыховичный. И никто их не обижал, да и не мог обидеть. Сказки о том, что в Грузию ездить опасно, что там сейчас не любят русских, придуманы для того, чтобы нас поссорить.

Недавно меня снимали в «Киносерпантине». Естественно, много говорил о том, о чем сегодня говорю тебе. Все это вырезали и оставили веселого толстого шутника Мамуку. А в другой раз кто-то из моих московских друзей спросил меня: «Слушай, а твои не пострадали?» Как было ответить на такой вопрос? Все, кто погиб, отравился газом, все они — «мои».

Мне хотелось выйти на площадь где-нибудь в Москве или в Ленинграде и крикнуть: «Дорогие мои, то, что сделали эти злодеи в Тбилиси, они могут повторить и у вас, и в любом городе страны». Некоторые думают: «В Грузии случилось, в Москве не случится». А это обязательно случится, если весь народ не встанет против зла. Это была акция не против грузинского народа — против человечества.

Знаешь, мое поколение в Грузии не верит ни в кого — только в Бога. Наши деды верили в Сталина, прадеды — в Ленина. А мы — только в Бога. Так вот, я думаю, 9 апреля Бог хотел показать всей нашей стране, что с ней может произойти.

— Ты говоришь о твоём поколении. О нашем с тобой поколении. Какое оно сегодня в Грузии?

— У нас сейчас появилось много партий, большинство из них возглавляют как раз тридцати-, тридцатипятилетние, наши ровесники, на мой взгляд, честные, порядочные люди. Когда мы все молчали, они сидели в тюрьмах. У многих эти годы отложились болезнями — астмой, отбитыми почками...

— Ты стал чаще сниматься в последнее время. Особенно последний год. Много ездешь, тебя трудно застать дома. Может быть, не умеешь отказывать?

— Могу, но некоторым людям — хорошим людям — отказать не могу.

— По-моему, последнее время ты снимаешься только у хороших людей?

— У плохих я не снимаюсь. Вот Дanelия. Я всегда любил его, еще «на расстоянии». Готов был сыграть у него даже котенка, пробегающего по мостовой, даже стул. Он делает истинно грузинские картины — в них всегда чувствуешь любовь к человечеству, к своему народу, к всему порядочному. Его «Мимино», по-моему, лучше выражает ту мысль, которая написана

на газете «Правда»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чем сама эта газета. В его новом фильме «Паспорт» у меня совсем маленькая роль, но для меня это было школой мастерства и любви.

Или работа у Шилового в «Блуждающих звездах». Он хороший артист, и работать с ним легко. Режиссеры обыкновенно что-то пытаются показывать, а тут не было необходимости. Мы работали на одной волне. Впервые в жизни после кинопроб я сказал режиссеру: «Я хочу у вас сниматься». А жизнь нынче такая сложная стала: если увижу даже очень хорошего режиссера, работать с которым трудно, откажусь. Мне необходимо, чтобы на съемках люди понимали друг друга.

Ты заметил: я часто играю французов, немцев, испанцев, евреев? И в новых картинах — то же самое. Мне не раз предлагали играть грузин — тех, что продают цветы или зелень на рынке. Естественно, я отказывался...

не их, а бабушку. Она была княгиней. Но мои друзья были уверены, что она — актриса. Потому что, когда она приходила ко мне, она пела и танцевала. И как! Она талантливее моих родителей, талантливее меня...

— Я знаю, что ты любишь комфорт, вкусную еду, хорошее вино. А ведь говорят: художник должен быть злым и голодным.

— Нет, не согласен. Даже в школе, в третьем, кажется, классе (точно не помню, потому что учился плохо), нам говорили: знаете, дети, после того как человек хорошо поел, он придумал огонь; согревшись, он захотел что-то нарисовать на стене — так появилось первое произведение искусства. Но только после того, как поел и согрелся.

Когда я играл Санчо, меня обмарили с ног до головы и так — голого, но обклеенного — снимали. А потом я в таком виде засыпал — в гостинице не было ни горячей, ни холодной воды. Такие вот «предла-

тики. Особенно когда на дворе неспокойные времена. Как у нас сейчас.

По-моему, артисты не должны быть членами какой-либо партии. Как, впрочем, и юристы, и милиционеры, и военные.

— А как же быть с пресловатым принципом партийности искусства?

— Ну, этот принцип был всегда, и все-таки большим человеком в нашей стране был не артист, а танкист. Я же знаю, как снисходительно смотрели на нашего брата: артист — это человек, который не сумел стать танкистом. Или на худой конец — инструктором райкома. Теперь-то инструктор райкома грызет локоть: почему я не стал артистом — меня бы не выгнали с работы...

Знаешь, наверно, это странно прозвучит из моих уст — все видят во мне толстого благополучного человека, тамаду. А мной, особенно в последнее время, овладело странное чувство. Я вдруг понял,

Фото Ю. Мечитова

— Это стереотип грузина — ложный, но стойкий...

— Я отказываюсь, потому что это неправда, это вранье, когда грузин изображают в гигантских кепках и желтых сорочках. Те, кто бывал в Тбилиси, знают, что одеваются там не хуже, чем в любом другом городе страны. У тбилисцев есть вкус. Что касается кепок-«аэродромов», то такая мода была в тридцатые годы — тогда весь мир их носил. Наверно, режиссеры, которые так изображают моих соотечественников, с тех пор в Грузии не бывали...

— По-моему, главное отличительное свойство грузин вовсе не в одежде. Широта души и артистизм — это у всех грузин в крови.

— Да, это так. У меня родители — актеры, но я чаще вспоминаю

гаемые обстоятельства», такое «физическое» действие, и что там еще — у Станиславского? Тут я окончательно осознал простую истину: артист, который засыпает сытым, в помещении, где прохладно и приятно пахнет, сыграет лучше меня — голодного и грязного. Конечно, при условии, что у нас с ним одинаковый уровень таланта, профессионализма, мастерства.

— А к артистам, которые занимаются политикой, ты как относишься? Рейган, говорят, был неплохим президентом. Да и наш с тобой разговор получается больше о политике, чем об искусстве.

— Вообще-то политикой должны заниматься политики. Но когда народ в беде, тут уж все должны быть вместе — и артисты, и поли-

что совсем-совсем не могу без жены. Может быть, это годы принесли, может быть, я стал слишком сентиментальным...

— Ты давно женат?

— Четыре года. Мы познакомились на фильме «Житие Дон Кихота и Санчо». Она художник. Все, с кем я в последнее время работал, в один голос скажут: Мамука — это такой зануда, как только у него есть один свободный день, мчится в Тбилиси. Я всегда вру, что у меня деловые встречи, потому что неудобно говорить, что еду к жене — соскучился. Не знаю, может, это возраст, может, старость?

— А может быть, наоборот?..

Вел беседу
Александр КОЛБОВСКИЙ

ДРАЗНЯЩИЙ, ИСКРИСТЫЙ ТАЛАНТ

Ирина ШИЛОВА

«Доверие»

Может ли творческая личность оказаться не ко времени, быть лишь частично, в меру надобности, востребованной искусством?

Уточним: актриса, о которой идет речь, действительно талантлива; искусство, с которым она хронологически сосуществует, нуждается в талантах, и в актерских особенно.

Справка. Терехова Маргарита Борисовна. Заслуженная артистка РСФСР (1976). Дебютировала в кино в фильме «Здравствуй, это я!» (1966). Сыграла свыше двух десятков ролей, среди которых наиболее запомнившиеся в фильмах современных — «Зеркало», «Монолог», «Кто поедет в Трускавец?», «Расписание на послезавтра»; исторических, фантастических, костюмных — «Моя жизнь», «Бегущая по волнам», «Собака на сене», «Русь изначальная», «Д'Артаньян и три мушкетера», «Оно», «Отче наш».

Итак — актриса и кинематограф. Маргарита Терехова представляет в искусстве классический тип актрисы. Одаренная привлекательной внешностью, она, безусловно, выдерживает экзамен и на профессиональную избранность.

Талант Тереховой чужероден простому бытоподобию, в нем есть загадка, тайна. Искусству, обращенному к трагедийным вопросам жизни, это как раз и нужно. Ответы требуют всепоглощающих страстей, экзотических самоизъявлений. Искусство Тереховой не знает маленьких людей, оно и малого человека толкует как индивидуальность — незаменимую частицу множества.

Кинематограф 60-х предпринял попытку сомкнуть настоящее с прошедшим и будущим, бытовое с духовным, житие с притчей, актриса же попала на рубеж, разъявший только что открывшееся единство. Не цельность восприятия мироздания, но дробность, мозаичность мироощущения; не противоборство с судьбой, с обществом, с государством, но камерное существование, молчаливое потворство происходящему или театрализованный протест — вот что мог предложить кинематограф актрисе для реализации личности и таланта.

Творческая биография как она есть. Вспомним неожиданную, летящую, светящуюся надеждой Таню, появление было радостным, ликующим признанием: «Здравствуй, это я!». «Я» актрисы трепетало от полноты чувств, от первых радостей, от непобедимых надежд на счастье, от способности пережить все это впервые и как никто другой. В неопровержимое равновесие Терехова внесла безмерность, неподчиненную существующим «пропорциям».

Кинематограф извлекает первый «корень» из феномена Тереховой: череда ролей закрепляет в сознании образ идеальной и прекрасной дамы. В гриновской «Бегущей по волнам» сразу две роли — Фрэнзи Грант и Биче Сениэль. В «Синей птице» Метерлинка — Молоко. На съемках киплингковского «Рикки-Тики-Тави» актриса скажет: «Вот такая у меня сказочно-детская творческая полоса».

Кинематограф извлечет и второй. Собственно прекрасное в нашем кино традиционно вызвало подозрение в элитарности. Гармония внешнего и внутреннего с 30-х годов казалась то ли маслом масляным, то ли эталоном, обидным для большинства. В сказках — безусловно, в исторических лентах — пожалуйста, в современных — лучше чего попроще, «пожизненнее», по характернее. Впрочем, можно отделить «форму» от «содержания», подчеркнуть их несовпадение или противоречие, даже желательнее контраст. «Белорусский вокзал» открыл счет «изобличений» Тереховой: лицо подчиненное, красивая кукла, то ли купленная с потрохами, то ли пребывающая в летаргии. Причем пробуждение не ожидается.

Тася Сретенская в «Монологе» на первый взгляд из этой серии ролей. Попрыгунья, душечка, стрекоза, ищущая благополучия и иных удобств. Дочь профессора, она не вобрала в себя ни одного гена наследственного материала или, быть может, один из них и сделал ее искательницей — пусть не истины, а счастья? Тася легко отказывается от возможного в отцовском доме благополучия (!), она готова следовать за каждым своим героем на край света (!), она желает быть женой, возлюбленной, люби-

мой. Но почему-то все время проигрывает. Образ мог стать только выражением суммы отрицательных свойств, никчемности характера, справедливо приговоренного к осуждению. В исполнении Тереховой при всей жесткости исследования типа образ удерживает в себе нечто беспокорящее. Красота не спасет мир потому, что забыта ее собственная ценность.

Да, Тася стала плохой матерью, неверной женой. Изломалась, поблекла, опустошилась в ролях жен разных мужей. К финалу стала вызывать презрение. Но были там, у истоков судьбы, иные залого, отвергнутые или безответственно приобретаемые на время. Терехова преодолела простоту роли, нашла не только ответ, но и серьезный вопрос к действительности.

Еще много раз она будет вступать в поединок с однозначностью ролей, с заданностью образов. Тася Сретенская, только наделенная волей и убеждением, что не ждать принца нужно, а создать его, воспитать, «прокалить», испытать на прочность, — вот что такое Диана в «Собаке на сене». Она сделала свой выбор. А потом, страдая, но невозможная унижения, обиды, играя, но в игре доводя до неистовства, до отчаяния, до ненависти избранника, Диана словно бы желает добраться до сути, до основания личности этого красавца мужчины, понять, достоин ли он быть с нею на равных, быть не мальчиком, но мужем. Высокомерие аристократки, разнузданность простолюдники, готовность поднять до себя и опуститься до него, способность быть искренней, но при первых сигналах опасности взойти на пьедестал неприступности — сколь трудна эта роль Галатеи, создающей своего Пигмалиона!

«Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла!» — это уже эпиграф к другой героине Тереховой. Из детства тянется нелюбовь к Миледи, исчадью ада, изобретательной интриганке, чьи происки коснулись каждого любимого героя романа Александра Дюма. Для Тереховой Миледи — великая актриса, нашедшая злого заказчика-покровителя Кардинала, под неверной защитой которого она страстно желает осуществить и свои собственные планы. И не

в том даже творческое открытие, что Терехова виртуозно сопрягает противоположные состояния, не в том даже, что мастерски раскрывает природу двойничества, а в том, что позволяет почувствовать тайную грань, отделяющую игру от переживания, наслаждение игрой от муки подлинных страстей. Правдивость игры, сила перевоплощения покоряют не только экранных партнеров Миледи, но и зрителей.

Большинство ролей Тереховой — главных и эпизодических (актриса способна придать эскизу, этюду характер живописного портрета, как в фильме «Диссидент») — чаще всего не соответствует ее реальным творческим потенциалам. Но уж коли представилась возможность создать психологически убедительные характеры наших современников, то актриса найдет краски для влюбленной в русскую культуру учительницы словесности Антонины Сергеевны («Расписание на послезавтра») или для камерных проявлений героини фильма «Кто поедет в Трускавец?». Но и дополнит личность каждой из них собственной значимостью, неповторимым своеобразием, острающим бытовую достоверность. И уж коли выпала фарсовая роль, то актриса с блеском, лубочной затейливостью

и гротесковой обобщенностью вылепит образ Капитолилки («Оно»), доказав еще раз многообразие и гибкость артистических возможностей.

И все же, все же... Есть блистательные роли, охватывающие широкий спектр типов, характеров, жанров и стилей. Нет кинематографа Тереховой, который мог быть, мог стать страницей современной культуры, не уступающей легендарным страницам искусства прошлого. И это не предположение, не вольный виток восторженного сознания. Кинематограф Тереховой имел свое начало.

Возможная биография актрисы. Началом было «Зеркало» Андрея Тарковского, где режиссер подарил и доверил ей две роли — Марии и Натальи, матери и жены. В экранном бытии каждой из них нет ни стройной последовательности, ни простых психологических мотивировок, ни локальных заданий. В создаваемый Тарковским мир вошла актриса, обладающая даром прозрения, равного замыслу масштаба. Не объяснить, не раскрыть, не разгадать, но дать возможность встречи с женщиной, вдохновлявшей поэта, — вот смысл первого появления Марии. Это зыбкое состояние метерлинковского ожидания, исполненное мимолетностей и нечаянных ощущений. Случайный прохожий нарушил чистоту, ясность, сосредоточенность чувств. Мария отвечает на вопросы, манит и отталкивает, интуитивно отделяя случайное — вот этот разговор — от того, что происходит в ее душе. Она красива, великолепна в скромном дачном наряде, с тяжелым пуком волос, с таинственной полуулыбкой, ибо она и здесь, сейчас, и в не известном никому прошедшем — далеко и близко.

Ситуация с обменом сережек. Образ бедствия, голода, нищеты и образ богатого дома, покоя, благополучия сомкнулись. Здесь и искушение, и принесение в жертву. Здесь — сердце на разрыв, но не предательство себя. Актриса открывает предел возможного унижения, предел возможной жертвенности для своей героини и для себя — Маргариты Тереховой. Из-за ее упорства, неуступчивости Тарковский изменил замысел эпизода, понял и принял кредо своей актрисы.

...Бежит по улице под проливным дождем Мария. В движениях, в размахе рук, в откинутой голове мучительная напряженность, испугленность. Случилось страшное, нужно успеть исправить ошибку и тем самым спастись. Лихорадочно скользят глаза по страницам текста. Нашла — ошибки нет. Воображение, подгоняемое неотступным страхом, сыграло шутку. Усталость, апатия, протрация — плата за пережитое. Возвращаясь к жизни, Мария словно бы становится ребенком; слезы застилают глаза, мешают видеть, слезы обиды, горечи, всепоглощающего отчаяния от несправедливости мира.

Здесь был триумф актрисы. Здесь был и обрыв, запрет: власть свела счеты с неподвластностью таланта, указала актрисе ей отведенную территорию. В этот обрыв рухнули планы Тарковского, увидевшего в Тереховой не только тезку булгаковской Маргариты, но ее живое воплощение, не только яркую, inferнальную, фантастическую личность, но саму Настасью Филипповну.

Не ради традиционных слов, но ради правды говорю это. Ведь видела, рядом стояла, когда на обшарпанные сцены клубов, видеосалонов в далеком Якутске или не столь далеких Куйбышева и Тольятти выходила актриса, обладающая магией покорять и завораживать зрителей-слушателей, когда на скромных подмостках оказывалась властительница дум, превращающая привычные встречи в торжество самого искусства.

Узнает ли об этом кинематограф, увлеченный в наши дни эмпирикой и сенсациями, захваченный хитроумными иносказаниями, игрой умозрительной, выдаваемых за самовыражение? Или совсем не праздным окажется вопрос, с которого я начала эти заметки, и кинематограф и актриса пойдут своими дорогами, к общей беде и их, не встретившихся, и нас, зрителей.

Но останется в памяти жест — ладонью по лицу, взгляд, утаивающий и приоткрывающий тайну души, мягкость волос, светящихся под солнцем, ветром, рукой, то, что и есть неповторимое и незабываемое естество самой Маргариты Тереховой.

«Оно»

«Монолог»

«Отче наш»

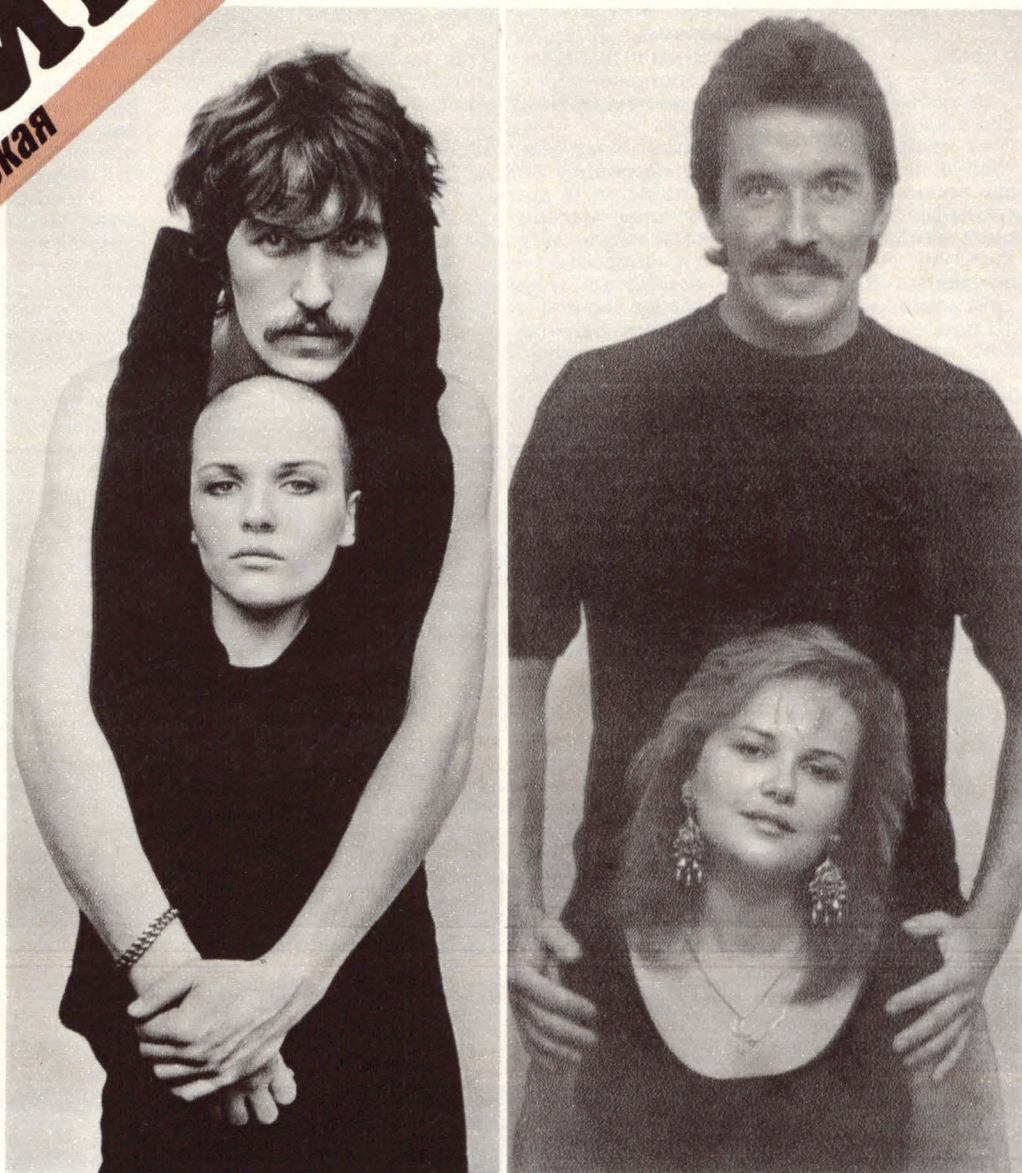

ХРОНИКА

СВЕТСКАЯ

ИГРОК С УЛИЦЫ ДОСТОЕВСКОГО

Александра и Калью Аасмяз. Год 1984-й... ...1990-й

Фото Н. Гнисюка

ПРИГЛАШЕНИЕ К НОВОЙ РУБРИКЕ

Может быть, есть какой-то смысл в том, что зрители десятилетиями атакуют журнал вопросами о личной жизни актеров? Может быть, есть какая-то причина в том, что толпы людей собираются на стадионах и во дворцах культуры, где выступают деятели кино, с единственной целью увидеть «живьем» того, кто создает на экране образы и типы?

Каемся, эти слова — «светская хроника» — мы употребили здесь несколько иронически. Они ассоциируются в нашем воображении с бриллиантами, сногсшибательными туалетами, джентльменами и прочей светской жизнью, а где это все у нас найти? Но мы стараемся в материалах, напечатанных под этой рубрикой, хоть немного удовлетворить интерес читателя к обычной, частной жизни. В наше предельно политизированное время это так необходимо!

Весь последний год имя популярной киноактрисы Александры Аасмяз упоминалось во множестве публикаций центральной прессы рядом с именем ведущего ленинградской телепрограммы «600 секунд» Александра Невзорова. В письмах, в том числе приходивших и в нашу редакцию, читатели наряду с тра-

диционным вопросом о новых ролях актрисы просят объяснить, почему в своих интервью Невзоров даже ее фамилию называет не Аасмяз, а Яковлева.

Корреспонденту «СЭ» отвечает Александра Аасмяз.

— Сначала о новых ролях. Колоссальная для меня радость — работа с Влади-

миром Меньшовым над фильмом «Гол в Спасские ворота». В титрах этой картины будет стоять имя другого режиссера, но я называю именно Меньшова. Прекрасный сценарий, роль в необычном для меня стиле ретро — все это поначалу казалось загубленным чудовищной режиссурой. И вдруг вместо позора —

праздник! Как руководитель мосфильмовского объединения «Жанр» Меньшов не просто доснял картину — работа с ним вспоминается как чудо. Так что теперь, когда меня будут спрашивать, у какого режиссера хотела бы сняться еще, назову первым Владимира Валентиновича.

Только что в ленинградском Театре имени Ленинского комсомола прошла премьера пьесы А. Галина «Браво, Венеция!». Перед премьерой волновалась, как школьница. Дело в том, что это первый мой после института выход на театральную сцену. А в институте училась у Георгия Александровича Товстоногова, так же, как и мой однокурсник Вячеслав Гвоздков, который, став главным режиссером нашего Ленкома, пригласил меня в театр.

— Теперь перейдем к той деликатной части интервью, которая касается Александра Глебовича Невзорова. Что на самом деле произошло? Вы правда замужем за Невзоровым?

— Я замужем за Калью Аасмяз. Ему 29 лет, он профессиональный спортсмен. Мы живем уже много лет, у нас двое детей — дочь Лиза и сын Кондратий.

Что касается Александра Невзорова, то совету журналистам все вопросы о нем адресовать самому близкому ему человеку — его жене Наташе Невзоровой. Ей 35 лет, она библиотекарь, у них растет дочь Полина девяти лет.

— Как же раскрывается «тайна» ваших отношений с Невзоровым?

— Я не имею права ее раскрывать, потому что вся эта история легла в основу написанного мною только что киносценария. Я назвала его «Игрок с Достоевского» (Невзоров живет на улице Достоевского). Вряд ли в Советском Союзе у меня будет возможность реализовать этот сценарий — собираюсь предложить его продюсерам в США.

Единственное, что могу сказать о Невзорове, — это, на мой взгляд, невероятно талантливый человек, к сожалению, использующий свой талант далеко не лучшим образом.

МУШКЕТЕРЫ И УГОЛОВНИКИ

В Таллинне обворовали съемочную группу фильма «Двадцать лет спустя». Неизвестные проникли на склад, где хранились костюмы, реквизит, оружие.

Корреспондент «СЭ» позвонил в Таллинн режиссеру-постановщику картины Георгию Юнгвальд-Хилькевичу:

— Украл все, что могли, — рассказал Георгий Эмильевич. — Пропали дорогостоящие костюмы Атоса и Мордаунта, серебряные портсигары, старинные часы-луковицы, канделябры. Кроме того, похищено оружие — шпаги, кинжалы.

Ущерб большой — его оценивают примерно в 20—30 тысяч рублей.

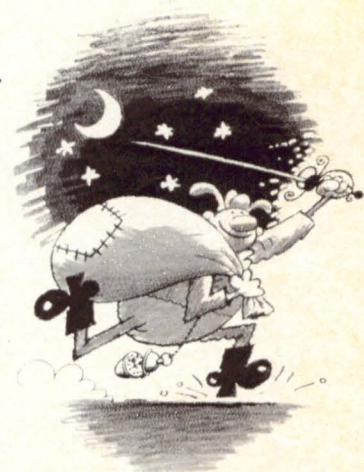
Единственное, что пока можно предположить, — орудовали не очень опытные уголовники. Они не обратили внимания на некоторые антикварные вещи, но взяли кое-что из реквизита, сделанного «под старину».

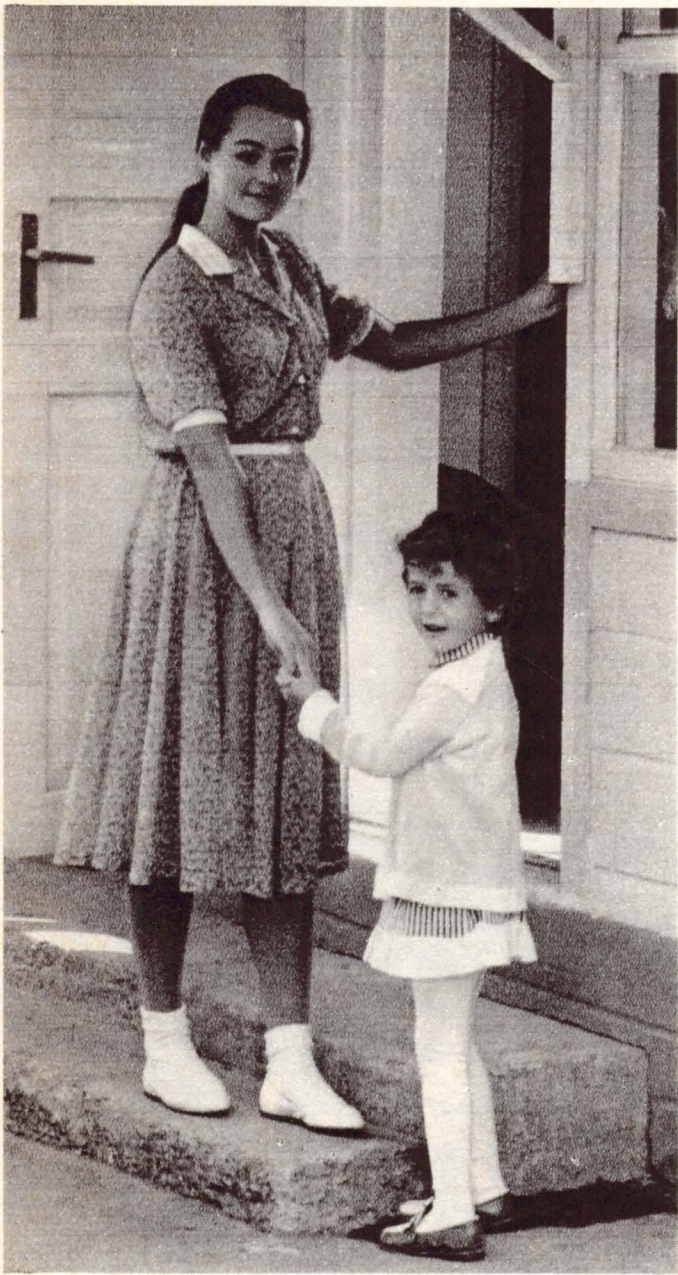
После публикации в местной прессе в группу явился неизвестный молодой человек, который возвратил пропавшие шпаги д'Артаньяна и Портоса. На вопросы отвечать отказался, утверждал только, что шпаги — единственное, что

он и его друзья украли: «Там все было открыто. Больше мы ничего не брали...»

Интересно, что уголовники, отбывающие срок в таллиннской тюрьме, видимо, чувствуя неловкость за своих «коллег», взяли обязательство изготовить для нас в тюремной мастерской копии украденного оружия.

Что касается милицкого расследования, то оно пока безрезультатно — так же, впрочем, как и поиски преступников, обворовавших одновременно еще и тщательно охраняемую дачу Председателя Верховного Совета Эстонии А. Рюителя.

Анна Портная в фильме «Саранча» Фото А. Кученкова

МИСС С ХАРАКТЕРОМ

После того как на Всесоюзном конкурсе красоты Анне Портной вручили ленту с надписью «Мисс Киношанс СССР» и она уехала из столицы в родной Южно-Сахалинск, многие зрители были обеспокоены: реализуется ли этот шанс?..

Первые кинопробы окончились неудачей для Анны. И с королевского пьедестала девушке пришлось спуститься на землю. Но вот улыбка Фортуны: молодой режиссер М. Аветиков, снимавший на «Мосфильме» ленту «Савой», увидел в Портной... сразу двух героинь своей картины. Она сыграла девушку из немецкого поселения — Марту, к которой сильно привязан главный герой, и «девушку-мечту», образ которой героиня пытается вспомнить и лицо которой иногда чудится ему в толпе...

Честно говоря, Анна Портная с детства мечтала о кино. Но студии далеко от

острова Сахалин, так что она предпочитала бесплодным мечтам занятия спортом — стала даже кандидатом в мастера по художественной гимнастике. Правда, теперь со спортом ей придется, видимо, расстаться — тренировки трудно совмещать с участием в различных мероприятиях, где ей предлагают участвовать после конкурса красоты: то поездка в Лас-Вегас на конкурс красавиц Тихоокеанского побережья «Женщина календаря», то круиз по Средиземноморью. Но голова у «Мисс Киношанс» не закружилась от успехов. Эта обаятельная девушка — интересный собеседник, что отметили документалисты, искавшие кандидатуру для сюжета о «нашей молодой современнице»... Как она относится к конкурсам красоты? Они ей нравятся уже тем, что жизнь скучна без праздника и чего-то необыкновенного.

Материалы подготовили также И. Абель, Н. Амашукели, А. Колбовский

ЧУЖОЕ БРАТЬ НИЗ-ЗЯ-А-А!

Всем нам в детстве внушали: чужое без спроса брать нехорошо. Большинству это вошло в кровь, и даже предположение, что интеллигентный, при должности человек может «свистнуть», скажем, стакан из автомата газировки или журнал «Наш современник» из соседского почтового ящика, нелепо. Но это в личной жизни. А в общественной?

Недавно ведущий телевизионного «Воскресного кинозала» вдруг объявил, что «Кинозал» на грани закрытия. Что такое? Почему? Оказывается, Госкино СССР запретило показ кинофильмов. Столько лет разрешало, а теперь нате вам! И на все обращения руководства Гостелерадио о поисках компромисса отвечает отказом. Ну что за зловерные дяди из Госкино! Так и хочется вскрикнуть и крикнуть, как в доброе старое время: «Сапожник, кино давай!»

А может быть, лучше сначала вдуматься, откуда такая метаморфоза? Или кинематографисты не заинтересованы в зрителях? Ответ — в письме, направленном председателем Госкино А. И. Камшаловым председателю Гостелерадио М. Ф. Ненашеву. Приводим его полностью.

«Уважаемый Михаил Федорович!

Ситуация, которая складывается вокруг вопроса о прокате на телевидении кинопродукции, произведенной киностудиями, свидетельствует о нежелании руководства Гостелерадио СССР принять решение по данному вопросу.

Переговоры, письменные обращения до настоящего времени не дали никаких результатов, показ по Центральному телевидению кинофильмов продолжается.

Наши предложения основаны на положениях постановления Совета Министров СССР от 18 ноября 1989 г. № 1003 и Основных положениях хозяйственного механизма телевидения и радио от 19.12.89, которыми определено, что кинопродукция реализуется организациями телевидения в порядке, предусмотренном действующим законодательством, т. е. на договорных началах с выплатой соответствующего вознаграждения.

В связи с этим Госкино СССР категорически возражает против показа всех видов кинофильмов по Центральному телевидению до оформления соответствующих договорных отношений».

Коротко и, кажется, ясно. В приснопамятные годы, когда вся прибыль любой организации шла в общий бездонный государственный карман, ТВ крутило множество кинолент, не платя кинематографу практически ничего. Но вступил в действие новый хозяйственный механизм. Все стало зависеть от собственных средств, а значит, считать деньги. Создатели фильмов хотя бы получать заработанное — в данном случае в виде авторского вознаграждения. А всесоюзный монополист — Гостелерадио — спокоен. Здесь не считают зазорным не выплачивать не только постановление правитель-

ства, но и собственные решения, «прогнав» в эфир только за три недели июля полтора десятка картин. Фу, как нехорошо!

М. Ф. Ненашев в интервью «Комсомолке» от 1 августа разводит руками: «Где же нам брать эти деньги? Сумма эта огромная — около 600 миллионов. Мы можем отказаться от проката кинофильмов. Но тогда миллионы людей лишаются возможности смотреть кинофильмы. Представьте себе маленькие городки, поселки, селения, где телевидение — единственный источник культуры, единственный театр. Государство же давать нам эти деньги пока не собирается. Как нам быть, не знаю».

Честное слово, жалко Михаила Федоровича, равно как и жителей городов и сел. Но лукавит председатель Гостелерадио. Ведь, как известно, купив телевизор, каждый из нас уже оплатил те передачи, которые предложит нам ТВ. Если руководитель мощного ведомства не знает, как эти средства получить, это, как говорится, его проблема. А кроме того — ведь эфирное время, расходуемое сегодня на кинопоказ, в любом случае пустовать не будет! Его займут другие, «собственные», телередачи! Откуда же появятся деньги на них?

Не пора ли договориться? Ведь со времени постановления прошел почти год! Вот и «Мосфильм», говоря, уже подал иск. Кто следующий?

Б. ПИНСКИЙ

ПРИЗ «ИНТЕРФИЛЬМА» — СОВЕТСКОЙ КАРТИНЕ

На проходившей в Мюнхене (ФРГ) Неделе фильмов жюри международного совета церкви «Интерфильм» присудило приз («Первая премия 1990») фильму известного грузинского режиссера Александра Рехвиашвили «Приближение».

Фильмы этого режиссера «Грузинская хроника XIX века», «Путь домой», «Ступень» и раньше были отмечены призами кинофестивалей в Сан-Франциско (США), Кемпере (Франция),

Мангейме (ФРГ).

В дипломе приза, присужденного картине, сказано следующее:

«Окончание одиссеи коммунизма — это исходный пункт фильма, в котором Александр Рехвиашвили развивает искусство, принадлежащее к редким явлениям в истории кино: искусство утонченной сатиры. Средствами абсурдной драматургии фильм нацелен среди прочего на то, что может быть сформулировано одной фразой

из картины: «Лучшее известная болезнь, чем неизвестная радость»... Сатирический способ воззрения на действительность направлен не только против старых идеологий, но и против различных вариантов новых «знаменосцев» и «спасителей человечества». Возможные носители желаний «неизвестной радости» нарисованы в фильме очень тонкими штрихами, а значение фильма выходит далеко за пределы СССР».

«Мордашка» — феномен сенсационного зрительского успеха!

Юля (Мария Зубарева) и Гена (Дмитрий Харатьян)

Свадебный букет

Вера (Марина Зудина)

ВУЕ-ВУЕ, МОЙ МАЛЫШКИК

Группа «Комбинация»

Ну Харатьян! Ну «Мордашка»! Квартальную премию отдам, чтоб взъерошить белокурые волосики. Правда, я люблю чернявых, ну да бог с ними. И такого — ам, съем!

Это я перед коллегами маскируюсь, кривлю критические губы, ерзаю в кресле, мол, недовольна, не блеск фильмец-то, долбать надо. А сама — торчу-у! Аж пенсне раскалосилось. Простите, у меня очки.

Какие очки! Сейчас бы не в темном зале тело белое просиживать, а вниз по Волге, на «Ласточке», с Паратовым — и до утра. Ну не с Паратовым, с Харатьяном, на белой «Волге» — и до первого винного магазина. Что с нами, бабоньки, мужики делают!

Университетов покончили, раннего и позднего Возрождения начитались, а только хорошенький мальчонка скосит глаз со значением, хоть с экрана, — все извилины распрямляются. Вроде и не было.

Глупые мы. Классиков не слушаем. Они про огонь, мерцающий в сосуде, а мы — к сосуду, в котором пустота. Они про женихов наших, негибаемых строителей узкоколеек, а мы — к Мопассану за «Милым другом».

Любовь с узкоколейщиками какая? Одно революционное страдание. Революционеров много, а Милый Друг один.

И знает этот Милый Мерзавец оружие, которым женщину убить можно не хуже, чем мировую контору. Глазками, глазками в нее стрелять надо. Искусшать, обольщать. И ведь понимаем, прости господи, что дерьмо, а позвоночник тает.

Есть все-таки в них неотразимое обаяние. Чем подлее, тем для бабы милее. И себя теряем, и про образование забываем. Потому что не всегда умных разговоров хочется. Хочется и чего-то другого.

Не Сенеку с письмами к Луцилию, а парнишку Гену с хорошенькой мордашкой. Ангела с нежным лицом инфанта. И трепетной родинкой у губ. И вообще трепетного. Если лирического начала нет в наших девочках, то только потому, что оно все перешло в наших мальчиков.

Трепетный мальчик — символ мужчины в СССР. «Торчок» для десятиклассниц и девиц до пятидесяти. Так что Андрей Разумовский и «Форафильм» попали прямо в «десятку» — смазливенькая мордашка берет города и постели. А заодно и квартальную премию, квартиру, дачу и «Волгу» ваших родителей.

Мальчиков, девочки, баловать надо, содержать. А то, глядишь, уйдет трамвайчик, а в нем — мой мальчик.

Наталья РТИЩЕВА

Маша (Лариса Полякова) и Гена

Прическа для «мордашки»
Фото Н. Ежовского

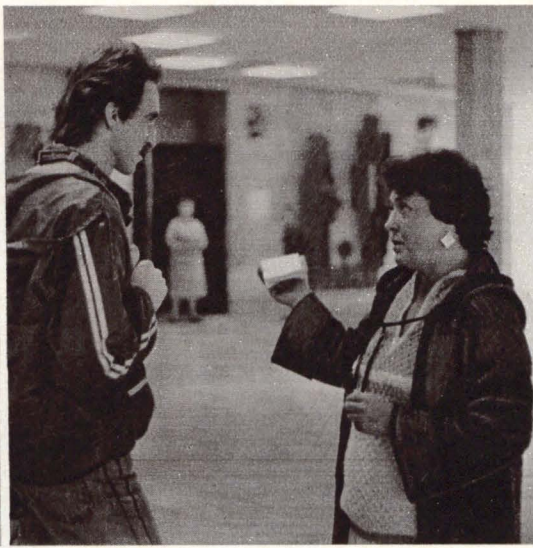
Ну как вам эта «Мордашка»?

ЭКСПРЕСС-ИНТЕРВЬЮ

Раиса Набокова из Приморского края, смущенная тем, что пришлось взять с собой на сеанс шестилетнего сына Никиту, в восторге от картины и от Харатьяна («Фильм прекрасный, жизненный»), однако считает, что «постельные сцены» — это дань моде и приманка для зрителя, причем не самая удачная.

Никите же фильм понравился без всяких оговорок. Коротко выразил свое впечатление архитектор Николай Северский: «Примитивный фильм, примитивные сцены с плохими статистами».

«По-моему, красивый, изящный фильм, — считает преподаватель М. Левина из Ленинграда, — замечательная операторская работа! Понравилась и актеры. Особенно Лия Ахеджакова и Марина Зудина. А самое главное, фильм «Мордашка» легко и доступно говорит о вещах очень серьезных — о том, что мы слишком легко порхаем по жизни. Сколько угодно знаю жизненных примеров, почти дословно иллюстрирующих «Мордашку».

С этим вопросом мы, корреспонденты «СЭ», обратились к зрителям, выходящим из зала кинотеатра «Баку» после просмотра фильма «Мордашка».

И первое, что мы услышали, от озабоченного мужчины: «Меняю пачку грузинского чая на пачку любых сигарет...» Узнав, что обмен не состоится, он разочарованно отошел.

А компания школьников бросила на бегу: «Очень понравились... драки!»

Такая же многочисленная группа солдат из стройбата призналась: «Фильм понравился, но второй раз не пойдем». Кстати, это сказали большинство опрошенных.

Несколько человек остановились поговорить.

Заведующий лабораторией Владимир Борисович Достовалов считает: «Это одна из самых грустных картин, которые видел. Фильм обнажает плачевное состояние нашего большого общества. А что касается откровенных сцен, то они — всего лишь антураж».

«Плохая, пошлая картина, противно смотреть. Пусть не делают подобные фильмы и не дерут за них такие деньги», — утверждает Раиса Ивановна Михайлова.

Слесарь Владимир Сапожников: «В очередной раз восхищен игрой Дмитрия Харатьяна, сыгравшего Гену, главного героя. И совершенно справедливо, что он занял первое место в рейтинге популярности. Да и сам фильм понравился: легкий, без всякой надоевшей политики. Сейчас почти не осталось картин, на которых можно и отдохнуть, и подумать о жизни».

«Страшный фильм, но ведь и жизнь наша такая страшная», — вздохнули милые пожилые женщины Анна и Валентина Кузнецовы из Калужской области.

А Наталья Доценко, учащаяся ПТУ, рада: «Наконец-то в наш кинематограф проникла эротика. Надоело смотреть до неприличия целомудренные фильмы. Конечно, не нужно порнографии, нужно, как в «Мордашке», — тактично и ненавязчиво, а главное — все понятно. Советую всем посмотреть эту картину, можно даже пойти на нее всей семьей».

Расспрашивая зрителей, кружили вокруг кинотеатра «Баку» Н. ОРЛОВА и Н. СОСИНА

Фото Ю. Федорова

Ведет Мирон ЧЕРНЕНКО

ПОКА МЫ ГВОЗДИМ...

Еще недавно о колонке никто из нас не мог и мечтать. Правда, ходили слухи, что где-то там, в Грузии, кому-то повезло. Но, как известно, за горами, за буграми все не так, потому что нас там нет. И даже если слухи подтверждались, то уж больно редок был этот субъективный жанр в мире объективных истин. А теперь — чуть не у каждого колонка, своя тема, свои мысли, и найти свое место в этой колоннаде становится все труднее. С тематикой дефицит, и потому, кажется, единственная возможность — открыть еще одну колонку между тем, между тем, что пишут другие, между тем, что происходит в кино или вокруг него, но имеет к нему хоть какое-то отношение... Одним словом, произнести вслух необязательные мысли по поводу необязательных тем, не посягая на то фундаментальное и концептуальное, что занимает ныне умы и темпераменты коллег в сопредельных изданиях. Ну, скажем, типа той принципиальной полемики, которую ведут маститый профессор с младшим научным сотрудником на страницах печати, где маститый гвоздит младшего, а младший — маститого, позабыв обо всем на свете, кроме самого насущного: а был ли автор лучшего фильма всех времен и народов сторонником однополюсной любви или же, не к ночи будь помянуто, просто импотентом, как все мы — кто сегодня, кто завтра... И уже три, а то и четыре газеты посвящают свои страницы этому спору нынешних тупоконечников с острокопечниками (и это в стране, где хронически не хватает яиц!), словно нет в нашем кино сегодняшнем и в его истории проблем поважнее, как будто не угасает на корню родимая кинокритика вкупе с родимым кинематографом, утвердив в качестве нового творческого метода вместо сошедшего с круга соц-реализма самый что ни на есть агрессивный нарциссизм и скандалозность... Как будто мы уже осознали все, что происходит в кино и вокруг него, как будто хоть кто-нибудь, к примеру, просто описал, осмыслил, оценил те сотни документальных фильмов, что были сняты за последние годы во всех кинематографических градах и весях нашей необъятной...

А между тем, и это будет моим дебютом в «Советском экране», живет где-то там, в Берлине, который мы еще по привычке называем Западным, хотя на самом деле он просто Берлин, человек по имени Ханс-Йоахим Шлегель, знает множество языков, которые не знает — учит, которые не выучит — старается понять. И деловито, скрупулезно, как подобает немецкому литератору, не надеясь на тамошние издательства «Искусство», пишет и публикует книги, не рассчитанные на коммерческий успех, но тем не менее находящие своего читателя, а следовательно; и издателя тоже. И добро бы о своем двуязычии покамест кинематографу, о его «белых пятнах» и «черных дырах», это еще можно было бы понять, но о кинематографе нашем — от Эйзенштейна до Тарковского, к тому же пренебрегая исследованием сексуальных и прочих девиаций... Это уже понять невозможно, и недаром в давно прошедшие времена некий любопытствующий киновед в штатском — Шлегель тогда только-только стал наезжать в Москву и Ташкент — профессионально доискивался у каждого встречного-поперечного: и чего это он к нам зачастил? не из бундес ли нахрихтен динст??? Вероятно, на этот вопрос был получен где-то сугубо отрицательный ответ, ибо любознательный исчез неведомо куда, а Шлегель продолжал ездить, «отписываясь» после каждого приезда то книгой, то на худой конец статьей, и каждый раз о том, что было

самым существенным и самым актуальным, о том, до чего так и не «доходили руки» у нас и у наших коллег в странах куда более социально близких.

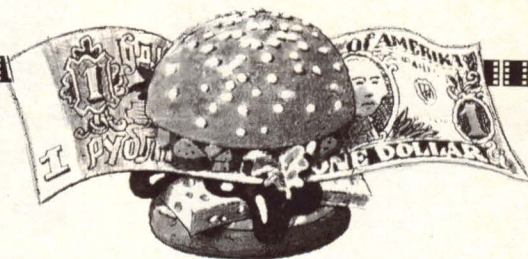
Так было с полдесяток лет назад, когда вышел на авансцену прибалтийский документальный фильм, и мы, не успев оглянуться и оглядеться, уже могли видеть объемистый том, посвященный истории и современности документального кино Латвии, Литвы и Эстонии, о котором (не о кино, о томе), к стыду нашему, никто не обмолвился и словом на великом и могучем русском языке. Так произошло и сейчас, когда вырвался на мировой кинематографический рынок документальный фильм Армении. Сто двадцать восемь страниц формата «Советского экрана», на трех языках сразу — немецком, английском, французском, только испанского здесь не хватает, чтобы книга стала понятной для всех гостей и участников международных кинофестивалей. Однако нельзя желать невозможного — так недолго и до требования издавать за нас и вместо нас книги по-русски, что, надо полагать, вызвало бы всеобщую радость в коридорах издательства «Искусство», в Собинновском переулке в Москве.

Я вовсе не намерен писать рецензию на книгу Шлегеля, которая называется просто и функционально «Документальные фильмы Армянской Советской республики», поскольку выпущена она к ретроспективам армянского кино на кинофестивалях в Нионе (Швейцария) и в Западном Берлине. Скажу только, что она представляет собой подробный и всесторонний портрет армянского кино, армянской истории и культуры, армяно-грегорианской церкви, содержит полную фильмографию документальных фильмов, снятых в Ереване с 1924 по 1957 год, а также обстоятельные интервью с режиссерами Рубеном Геворкянцем и Арой Вауни, отрывки из фундаментальной работы Артавазда Пелешяна о монтаже, обзорную статью о нынешнем армянском «документе», очерк творчества моего друга Арутюна Хачатряна и фильмографию режиссеров-документалистов от Амо Бек-Назарова до наших дней, написанные и составленные критиками из Еревана. Добавлю к этому, что не один Шлегель приложил руку к изданию этой книги, как и той, давней, посвященной Прибалтике. В числе авторов удивительная супружеская пара Эрика и Моритц де Хадельн, выносящие на плечах своей немногочисленной семьи два международных кинофестиваля, организуемых ими в разных странах Европы, — бывает и такое, и этому семейному подряду не грех было бы поучиться: отдать, к примеру, будущий Московский кинофестиваль в аренду какой-нибудь семье де Ивановых — эту идею, совершенно бескорыстно и от чистого сердца, я предлагаю Юрию Тиграновичу Ходжаеву, директору «Совинтерфеста»... И хотя это скорее всего шутка, но между тем я не мог избавиться от какого-то настойчиво-печального ощущения, что пока мы топчем друг друга ногами и пляшем на трупах классиков, кто-то другой, спокойный, деловитый, мудрый и благожелательный, делает за нас и вместо нас нашу работу. Просто так, между тем.

гамбургеровский счет

Ведет
Андрей ПЛАХОВ

НОСТАЛЬГИЯ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

В моей квартире висит большая фотография, похожая по композиции на школьную. На ней собраны вместе почти две сотни французских киноактеров. В первом ряду — по-прежнему элегантный Жан Марэ и тучный Бернар Блие (недавно ушедший из жизни), еще несколько знаменитых ветеранов профессии. А между ними — совсем юная Шарлотта Гинзбург, чья артистическая карьера только-только началась. Гораздо мельче, на дальнем плане — мать Шарлотты очаровательная Джейн Биркин, которая от года к году играет все лучше и становится все более популярной.

«Строй» — не по ранжиру. Такие суперзвезды, как Ив Монтан, Катрин Денев и Жанна Моро, стоят рядом с почти безвестными исполнителями вторых ролей. «Высокий блондин» комик Пьер Ришар; когда-то блиставшая своим лирическим дарованием Даниэль Дарье; неузнаваемый с густой бородой Жерар Депардьё, сегодняшний любимец публики, — все здесь, все строго одеты в два цвета — черный и белый, ни на ком не разглядишь следов косметики и прочих парадных ухищрений.

Демократизм — давняя французская традиция. Французы умеют читать своих национальных кумиров. В любой области, включая кино. По этому поводу можно иронизировать, но надо отдать им должное — они всегда помнят свою принадлежность к истории и культуре нации, к ее легенде и мифологии.

Прошлогодняя церемония вручения «Феликсов» — призов европейского кино — проходила на Елисейских полях. Ее постановщиком был племянник Президента Франции опытный тележурналист Фредерик Миттеран. Составители программы дипломатично приняли во внимание амбиции основных стран-участниц, отвесили вежливые поклоны в адрес Эйзенштейна, Феллини, Марлен Дитрих. И все же кино хозяев доминировало настолько, что иные гости обиделись: будто ничего другого для французов вовсе не существует. Апофеозом ностальгического шоу стало появление на сцене целой когорты артистов прошлых лет (среди них — Мишель Мерсье, в которой уже трудно узнать неотразимую Анжелику). Да, они почти не снимаются, но о них все-таки помнят, как помнят все о богатом прошлом французского кинематографа, переживающего ныне не лучшие времена.

А можно ли вообразить европейское кино без французского? В Париже вам ответят: разумеется, нет.

В Москве на аналогичный вопрос относительно советского кино будут отвечать подробно и по-разному: у нас, как известно, плюрализм. И демократия. Под последней чаще всего понимают свободу высказывания взглядов, еще

несколько лет назад почитавшихся крамольными. Попробовали бы вы тогда публично оспорить аксиому, гласящую, что наши фильмы — самые высокохудожественные и самые гуманные в мире! Теперь же доперестроечное кино служит главным образом мишенью для упреков в фальсификации и лакировке действительности.

С этой точки зрения, между прочим, можно было бы успешно ниспровергать и львиную долю французской кинопродукции 50-х, 70-х и даже 80-х годов. Никто, однако, не собирается этого делать. Критиковать — пожалуй, но зачеркивать историю и реальный процесс — дело бесперспективное. Наоборот, чем больше популярных мифов, сентиментальных легенд рождает кинематограф, тем более живым, подвижным и плодотворным он становится. Даже переживая временный упадок, питается бесценными накоплениями прошлого.

Еще характерная для французского черта в отношении к кинематографу: он не делится непроходимой чертой на «элитарный» и «коммерческий». И никто не ставит вопрос ребром: Годар или Клод Зиди, постановщик кассовых комедий? Мало того, один и тот же режиссер — скажем, Ален Корно — сегодня может снять дорогой суперколосс «Форт Саган», а завтра — философское эссе «Индийский ноктюрн» и ни в том, ни в другом случае не чувствует себя человеком второго сорта. У нас же все ущемлены, зато все обладают окончательным знанием истины.

Не хочу создать впечатление, будто на берегах Сены достигнута кинематографическая идиллия. Ее просто не бывает. Что там действительно умеют — это сфокусировать талант и вкус, юмор и элегантность нации для создания ее экранного имиджа, имеющего устойчивую экспортную ценность. Зато мы ухитряемся прозевать даже те возможности, которые сами идут в руки. О них напомнили нам опять же французы, устроившие в Канне чествование Татьяны Самойловой, которую помнят со времен «Журавлей». А советское посольство в Париже не удосужилось даже встретить в аэропорту отечественную «звезду», ошибочно полагая, что она сама привыкла путешествовать по мировому небосклону.

Как мы сами относимся к себе, к своим богатствам, так в конечном счете относятся и к нам. При этом не перестают удивляться: такая страна, столько природной и интеллектуальной энергии — и все словно впустую. Русские женщины одни из красивейших в мире, но где в таком случае ваши «звезды»? Мелькнет оборотительная актриса N в одном хорошем фильме и будто погружается в небытие. Ни рекламы, ни заинтересованных в ее дальнейшей судьбе режиссеров, ни ответа на

предложения о контрактах. Может, Наталья Негоде, чей звездный час совпал с зарей перестройки, повезет больше других?

И наши режиссеры — о нет, конечно, не все — давно интригуют западный мир. И если двое лучших из них оказались в Париже — один там умер, а другой живет поныне, — это привычно для Франции, традиционно дающей пристанище художникам, и все-таки странно. Даже философичный Отар Иоселиани, словно какой-то опасный террорист, долго существовал в образе полуизгнанника. А Андрей Тарковский, ставший для Запада новым художественным воплощением русской души, в своей стране вообще был персона нон грата и, неприкаянный, скитался по Европе.

Фильм «Ностальгия» — об этом чувстве утраченности и потерянности, особенно остро переживаемом русскими людьми вне России. А там ностальгию понимают по-своему. На одной из теледискуссий, развернутой вокруг фильма еще при жизни Тарковского и при его участии, произошел казус полнейшего взаимонепонимания. Холеные уважаемые господа, улупая в бархатных креслах, рассуждали о широте русской степи, об экзистенциальном странничестве (Тарковский при этом ерзал и нервно заламывал руки), а одна из участниц (кажется, то была правнучка Толстого) решила упростить проблему и изрекла: «Ностальгия — это всего лишь тоска по тому времени, когда мы были молодыми». Кому как.

Дописываю эти заметки и слышу долетающую из соседнего окна песенку Джо Дассена. В эфире — новая радиостанция «Ностальжи-Москва». В ее программах звучат старые французские мелодии, и каждое поколение слушателей мгновенно узнает свою молодость.

Впрочем, дело этим для французов не ограничивается.

Один из них сочинил когда-то целую эпопею о поисках утраченного времени. Сколь бы личными ни были его, Марселя Пруста, ощущения, в них выразилось гораздо большее — тоска по уходящей культуре «золотого века». И поскольку это чувство — называйте его рациональным или сентиментальным — никогда из сознания и памяти не уходило, не уходило — опять-таки в противоположность нашей стране революционеров — сама культура.

Так и в кино, рожденном во Франции и пережившем там забываемые взлеты. Пускай их уже не случилось давно, пускай нынешний уровень не поднимается над гладью моря и со стороны кажется, что в критериях возобладали ширпотребовский «гамбургеровский» счет. Придет час — из ностальгической пены, из подводных течений старых мифов соберется и хлынет новая волна.

А у нас?

Здесь маленькие отрывки из сценария «Не память рабская, но сердце». Написал его я. А снял и завершает сейчас монтаж картины Алексей Габрилович, мой друг, однокашник по гимназии и ВГИКу. Здесь — живая речь Фаины Георгиевны, клочки наших телефонных разговоров, бесед

”Я

МНОГООБРАЗНАЯ старуха”

в доме у Раневской, след нашей нежной дружбы, гениус лоци — тень великого человека, пребывавшего с нами на Земле.
Андрей ЗОРКИЙ

ЗВЕЗДА ЭКРАНА

Москва 30-х. «Утро красит нежным светом».

Катит в открытой «эмке» по акварельной столице коротко остриженная девушка со знаменитой картины Ю. Пименова «Новая Москва».

Летит в поднебесье в открытом ЗИСе Любовь Орлова (ткачиха-орденоноска из «Светлого пути»), вокализирующая «Марш энтузиастов».

Прет по тротуару с авоськами и свертками Лёлочка из «Подкидыша».

Портрет усатого гения, залепивший фасад Исторического музея. Из его сахарных уст, стилизованная под титры, вылетает историческая цитата:

А РАНЕВСКАЯ ВСЕГДА РАЗНАЯ.
ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ.

Среди многих прекрасных киноактрис своей эпохи и своей страны Раневская — единственная комедийная звезда. Сороковых — пятидесятих годов. И, как мы теперь убеждаемся, гораздо большего отрезка времени, едва ли не по сегодняшнему дню. Лишь она из наших вошла в плейду комиков мирового кино... А в 40—50-е ее известность была ничуть не меньшей, чем у Любови Орловой, Веры Марецкой, Валентины Серовой, Марики Рокк и Марины Ладыниной... А популярность в народе, пожалуй, и большей, потому что мир ее героинь являл собой некую человеческую отдушину в нашем загероизированном кинематографе. По Раневской люди узнавали жизнь, которой и жили сами, не вписываясь в биографии «Членов правительства» и «Девушек с характером».

Кого же изображала Раневская в своих картинах?

Вот «Пархоменко»: красные конники и белые, легендарный комбриг и патлатый злодей Махно... А где-то на краешке картины, в дымном царичинском трактире — таперша у рояля, «бывшая», унесенная ветром. Меньше минуты длится эта роль — подлинный шедевр Раневской-киноактрисы.

Вот основательно подзабытый фильм «Ошибка инженера Кочина». В «королях» и «валетах» этого пасьянса: талантливый, но, увы, беспечный инженер, забывший, что он в капиталистическом окружении даже на своей подмосковной даче, шпионы и, конечно, чекисты — лучшие люди страны. А на периферии картины, как глоток доподлинной жизни в маразматическом сюжете, — семья затюрканного портного Гуревича, его суматошная и уморительная жена Ида — Раневская.

Вот знаменитый «Подкидыш»: маленькая девочка — дочь красног командира; подтянутые и смысленные милиционеры в беленьких гимнастерках; мальчик-пионер, без пяти минут несчастный Павлик Морозов... И на этом принаряженном фоне — гениальная Лёлочка из московской коммуналки, уличной сутолоки, вобравшая в себя юмор и сочный быт довоенной Москвы.

Вот столь же знаменитая «Весна»: ученая Никитина, покорившая энергию Солнца, кинорежиссер-лауреат, олицетворяющий помпезный мир кино, где в павильонах разворачивались демонстрации, рычал пламенные стихи высоченный горбун, изображавший Маяковского, слонялись шерочкой и машерочкой два преглуповатых Гоголя и один кучерявый Пушкин... И рядом с этим выморочным «сталинским лауреатником» — Маргарита Львовна — Раневская, восхитительный Лев Маргаритович с буржуазным «Идиотом» под мышкой...

Роли, где актерам «высочайше дозволялось» смеяться. А нам — узнавать жизнь.

Популярность Фаины Георгиевны как киноактрисы была чрезвычайной, особенно после Лёлочки из «Подкидыша». Нынешнему поколе-

нию зрителей, да и актеров, такое даже трудно вообразить. Ее знала вся Москва. Вся страна.

Она рассказывала о том, как однажды вместе с Анной Андреевной Ахматовой убежала от восторженной оравы мальчишек, вопивших вдогонку: «Муля! Муля, не нервируй меня!» Спрятались в каком-то подъезде... Но ведь такое повторялось на каждом углу, каждый день, многие годы!..

Прочитал я где-то, как во время войны, поднимая бойцов в атаку, молоденький лейтенант, выхватив пистолет, крикнул: «Муля! За мной!» И солдаты рванулись вперед, под пули, за Лёлочкой, а не за Сталиным. Удивительно! Непостижимо!

Доподлинно известно, что Сталин был поклонником таланта Раневской. Во время одной из своих заплученных встреч с деятелями кино он глубокомысленно заметил: «Вот товарищ Жаров хороший актер, но наклеит усики или бакенбарды, или бороду нацепит, а все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная». Об этой исторической оценке вожды Раневской сообщил ночью по телефону Сергей Михайлович Эйзенштейн, едва вернувшись из Кремля: «Фаина! Фаина, ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?» Потрясенная, она спустилась во двор, разбудила в котельной дворника-татарина и, разжившись бутылкой, отметила с ним звездный час своей жизни.

А годы спустя еще молодой и бодрый Брежнев, вручая в Кремле Раневской орден Ленина, не удержался и, этак ткнув в нее пальцем, выпалил: «Муля! Не нервируй меня!» — «Леонид Ильич, — обиженно сказала актриса, — так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы». Будущий генсек смутился, покраснел и пролепетал, оправдываясь: «Простите, но я вас очень люблю».

...Но саму Раневскую в жизни практически не снимали. Нет ни одного кадра, запечатлевшего ее на репетициях или во время гастролей (а актриса объездила едва ли не полстраны). Не увидим мы ее ни в президиумах театральных собраний, ни у себя дома. Около месяца искали мы в Красногорском киноархиве и отсматривали материал, в котором могла бы обнаружиться Раневская. Нашлись фрагменты спектаклей, киноролей, интервью... А в жизни — только две крошечные киносъемки.

Кремль 40-х годов. Товарищ Шверник вручает правительственные награды. Пожалуй, более всего впечатляет сегодня скромный до неказистости облик плохо одетых ударников труда. Крестьянин с окладистой бородой... девушка-ткачиха в беретике... стриженный под «бокс» плечистый рабочий... а вот Раневская!.. И снова рабочий, летчик, колхозник... Раневская, воистину народная актриса, ничем не выделяется в этой серой цепочке людей.

ВТО 60-х. Самые именитые деятели театра принимают у себя в гостях Юрия Гагарина. Яблочкина, Завадский, Царев, Гоголева, весь генералитет и вдруг — всего два кадра — Раневская! И восхитительный миг, когда Гагарин поч-

тительно и нежно целует Раневскую.

Вот и вся жизнь на пленке: орден и поцелуй.

«Я РОДИЛАСЬ В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ВЕКА»

*«Кто познал нежность — тот умирает.
Коббе Архангела пронзило его душу
и уже не будет душе этой ни покоя ни
ни меры никогда!»
«Нежность самый крошечный, самый робкий,
божественный лик любви. Сестра нежности — жалость и она всегда в месте.»*

Знакомые спрашивают: «Ну, кого ты сегодня жалеешь?» — «Толстого!.. Уходил из дома, где столько детей нарожал. Гений несчастный!»

Вы мне или кто-нибудь в мире объясните, что это за старик? В последнее время я не читаю ни Флобера, ни Мопассана. Это все о людях, которых они сочинили. А Толстой: он их знал, он пожимал им руку или не здоровался.

80 лет — степень наслаждения и восторга Толстым. Сегодня я верю только Толстому. Я вижу его глазами. Все это было с ним. Больше отца — он мне дорог, как небо. Как князь Андрей, я смотрю в небо и бываю очень печальна.

Самое сильное чувство — жалость. Я так мечтала, чтобы они на охоте не убили волка, не убили зайца. И как же могла Наташа, добрая, дивная, вытерпеть это?

Сказать вам о своем отчаянии? Я отказалась играть в «Живом труп». Нельзя отказываться от Толстого. И нельзя играть Толстого, когда актер N играет Федю Протасова. Это все равно, что если б я играла Маргариту Готье только потому, что я кашляю.

...И вы подумайте, дорогой, как незаразительны великие идеи! После того, что написано им... воевать, проливать кровь?.. Человече-

ство, простите... высморкалось Толстым.

Я читаю очень поздно и на ночь почти всегда Пушкина. Потом принимаю снотворное и опять читаю, потому что снотворное не действу-

ет. Тогда я опять принимаю снотворное и думаю о Пушкине. Если бы я его встретила, я бы сказала ему, какой он замечательный, как мы все его помним, как я живу им всю свою долгую жизнь... Потом я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идет с тростью мне навстречу. Я бегу к нему, кричу. А он остановился, посмотрел, поклонился, а потом говорит: «Оставь меня в покое, старая б... Как ты надоела мне со своей любовью».

Я повстречала Таирова на Тверском бульваре после того, как у него отняли театр. Он метался, искал афиши своих спектаклей. Я тогда тяжело заболела, и меня отвели к доктору-психиатру. Это была красивая, пышущая здоровьем армянка. Услышав мои рыдания и стоны, она спросила: «Ты был с ним в половой связи?»

Я была летом в Алма-Ате. Мы гуляли по ночам с Эйзенштейном. Горы вокруг. Спросила: «У вас нет такого ощущения, что мы на небе?» Он сказал: «Да. Когда я был в Швейцарии, то чувствовал то же самое». — «Мы так высоко, что мне Бога хочется схватить за бороду». Он рассмеялся...

Мы были дружны. Эйзенштейна мучило окружение. Его мучили ко-

«Муля, не нервируй меня!»

звяки. Очень тяжело быть гением среди козляков.

Названия фильма не помню, но по сей день вспоминаю девушку с гусем в руках. Она с любопытством рассматривает незнакомую ей улицу. Ее все удивляет, забавляет. Любуюсь ею и радуюсь тому, что у нас появилась редкостно талантливая актриса. Встретив знакомого режиссера, спросила: что это за прелесть гуляла с гусем? И впервые услышала имя Веры Петровны Марецкой.

Меня связывала с ней многолетняя дружба. Я полюбила ее редкостное дарование, ее человеческую прелесть, юмор, озорство. В ней все было пленительно... Тяжело мне об этом думать и говорить. И Вера меня любила, называла меня: «Глыба!» Если б я могла в это верить! Нет, я знала актрис лучше Раневской.

С. М., Корнейчук и я. Ужин в «Континентале» — гостинице в Киеве. Ужин затянулся до рассвета. Я люблю Михозлсом, он шутит, смешит, но вдруг делается печальным, я испытываю чувство влюбленной, я не отрываю глаз от его чудесного лица. Уставшая девушка-подавальщица приносит очередное что-то вкусное. Михозлс расплывается и дарит подавальщице 100 руб. — в то время, перед войной, большие деньги. Я с удивлением смотрю на С. М. Он шепчет, наклонившись ко мне: «Знаете, дорогая моя, пусть она думает, что я сумасшедший». Я говорю: «Боже мой, как я люблю вас».

В Леонтьевском переулке я увидела пролетку, в которой проезжал Станиславский. Бросилась за ним, посылая воздушные поцелуи и крича: «Мальчик! Мальчик дорогой!» Он привстал, расхохотался (я горжусь, что его рассмешила!) и показал рукой, чтобы я ушла...

Буду умирать, и в каждом глазу у меня будет Станиславский в роли Крутицкого. Я его вижу перед глазами: руки, спину, глаза идиота. Станиславский был в нашем деле такое же чудо, как Пушкин в поэзии. В «Хозяйке гостиницы» Гольдони он играл женоненавистника, кавалера де Риппафрата. С отвращением к женщине. И — постепенно, без слов, влюблялся.

«Вишневый сад» во МХАТе. После спектакля я очулась на галерке. Билетер: «Барышня, вам пора идти». — «Куда же я пойду?!»

Когда мы играли Чехова в провинции, то пьяницы-актеры за неделю до спектакля переставали пить и ходили в баню каждый день. Катарсис, вы меня понимаете?

«Талант сейчас ни при чем».

Сегодняшний театр — торговая точка. Контрор спектаклей. Директор. Сидит — пьет чай. Ходит выпсовывать чай. У него рядом клозетик. Герой нашего времени. Хренскиталец. Руки в карманах.

Пьесы, рассчитанные на четверть человеческого сознания.

Тошно от театра. Я вам говори-

ла, что это дачный сортир. Так обидно кончать свою жизнь в сортире. Я хожу в театр так, как в молодости шла на аборт, а в старости — рвать зубы. Вы знаете, как будто бы Станиславский не рождался. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

Для меня всю жизнь было загадкой, как великие актеры могли играть с партнером, у которого нечего взять, нечем заразиться (хотя бы триппером).

Никто к вам не придет, потому что у вас нечего взять.

Я от вас ухожу, потому что у вас нечего взять.

Вам понятна моя мысль неглубокая?

А вообще, мой дорогой, я не признаю слова «играть». Пусть дети играют. Пусть музыканты играют. Актер должен жить.

Какой вы дивный редактор. Мои неглубокие мысли вы превращаете в пучину.

Обо мне написал один не ариец. Я ему это позволила из жалости. Боже, что он натворил! Он совершенно убил мое пожилое дарование. Позвонила ему: «Что вы со мной сделали! Ваше заведение надо закрыть!» А у него никакого заведения нет. Только жена с грудями во всех местах.

Я родилась в конце прошлого века. Обмороки еще были в моде. И я этим широко пользовалась.

Сократ был неглупый человек. Помните: «Я точно знаю только то, что я ничего не знаю». Я с ним заодно.

Пешкова рассказывала мне. В революцию, в 18-м, бросилась дама с моста в Неву. За ней две борзые. И все трое камнем ко дну. От отчаяния. Горький рассказал об этом Ленину. «Бросьте сентиментальничать», — ответил В. И.

От Международного Красного Креста Пешкова встречалась с арестованными ЧК. «Как в тюрьме?» — спросил Дзержинский. «Там сидят многие. Они за революцию. Они ее ждали». Дзержинский посмотрел молча, усмехнулся. «Там еще сидит один полковник. Он сказал мне: «Я контрреволюционер. Я присягал Его Императорскому Величеству». Он зябнет очень». — «Дайте ему что-нибудь потеплее», — сказал Дзержинский.

На съемках «Мечты» в Западной Украине хозяйка квартиры говорила мне: «Пани Ранецкая, эта революция-таки стоила мне полздоровья».

На Солнце — бардак. Там какие-то магнитные волны. Врачи мне сказали: «Пока магнитные волны, вы себя плохо будете чувствовать». Я вся в магнитных волнах.

Я больше всего люблю человеческий талант. И всегда мне везет на бездарных.

«Правда — хорошо, а счастье — лучше». Знаете, почему эта пьеса современна? Там все — жулики.

Какое счастье, что вы не сукин сын, хотя... Мой пес Мальчик живет, как Сара Бернар. А я живу, как собака.

Мое богатство в том, что оно мне не нужно.

Мне тяжело, одиноко. Меня обрадовал ваш звонок. Мы с вами люди одной крови. Я имею в виду и юмор, и печаль, и любовь к тому, чего уже нет.

Лапин прислал открыточку, поздравил меня с Новым годом и написал: «Когда же вы засниметесь в спектакле для телевидения?» После такого приглашения последует только арест и расстрел. Кузаков все-таки ходит без финки.

Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и перед вами делала стриптиз.

У меня нянька пьяница, от нее пахнет водкой и мышами.

МИХАИЛ ЧЕХОВ В ЮБОЧКЕ

Я прожила жизнь не на своей улице и не в своей эпохе. Мне нужен XIX век. Срочно!

Вы в человеческих подлобьях мальчишка и ценю.

Жареная индейка: «Такая была кокотка эффектная».

Венгрия: «Страна, где был волпор».

Монтень: Старик с трюизмами. О режиссере Z.: «Блядь в кепочке. Вытянутый в длину лилипут. Лилипут сделал в трамвае пипи — вот и все, что сделал Z. в искусстве».

Об актере С.: «У него нет никакого темперамента. Он меня на спектакле всю оплевывает».

Об орденах и медалях: «Похоронные принадлежности».

Амазонки в климаксе. Так я называю критикесс.

Кино — заведение босяцкое.

После спектакля подошел поклонник: «Товарищ Раневская, простите за нескромный вопрос, сколько вам лет?» — «В субботу будет 115». Он прямо обмер в восторге: «И в такие годы так играть!»

Меня принимали так, как будто я поставила людям клистир восторгов. Михаил Чехов в юбочке! До четырехсот писем. Один написал: «С вас магарыч за вашу дивную игру».

Я — выкидыш Станиславского.

А вообще вы знаете, что мне помешало в жизни? Душа. Как хорошо быть бездушной!..

...Раневская надолго горестно умолкает. А я отхожу от настольной лампы к стене, сплошь завешанной фотографиями. Здесь целый мир людей — близких, незабы-

ваемых, бесконечно дорогих Фаине Георгиевне. Фотографии не окантованы, повешены «на скорую руку», но навсегда. И каждая (это же Раневская!) была припиленная к обоям, как флажок, — иголкой, медицинской, бесчисленное множество которых оставалось здесь после лекарственных уколов. Сколько же долготерпения, боли, сколько любви на этой стене!

КАК ВЕТЕР И МОЛНИЯ (эпилог сценария)

«Но ведь и дома этого уже нет!» — горестно воскликнет зритель. Нет дома, только что представшего в воспоминаниях — с фотографиями замечательных людей и реюцими тенями гениев.

Не подождла его твердая рука Азazelло, не проводили в небытие ликующие крики Мастера и Маргариты: «Гори, гори, прежняя жизнь! Гори, страдание!»

Нет, успокойтесь, стоит, как прежде, этот дом из светлого московского кирпича, дом повышенной комфортабельности, в переулке с артистическим названием Южинский. И, как прежде, уставив двор персональными машинами, живут в нем «артисты» совсем иной масти, которым никогда не аплодировала просвещенная публика, и спектакль их жизни, их ответственных ролей разыгрывался вовсе не в театральных сценах.

Повесили мемориальную доску, напоминающую о великой чудачке, прожившей несколько лет бок о бок с ними. И улыбнутся прохожие знакомому профилю, а кто-то вздохнет: «С какой стати?!» С какой стати она-то была здесь?

Была и нет. Дом Раневской канул в небытие в последний миг ее жизни.

Постоим под окнами ее квартиры с букетом роз, которые некуда возложить. И вспомним при этом, как ей всегда было нестерпимо жалко каждый срезанный стебель и каждый цветок, благодарно протянутый ей.

Что ж говорить — не о тщеславном, а о горестном, нежном намерении авторов дать приют, соорудить в пространстве экрана некую «временку» для своей неприкаянной героини?.. Пусть не уходит, побудет еще с нами.

...Рассыпалась стенка любви, памяти и сострадания. По папкам ЦГАЛИ (куда, конечно же, не няняли фотографии столь утешавших ее собак — не гении) разошлись письма, снимки, ее рисуночки и заметки на клочках бумаги... Но вот достаю из папки прежде неприкосновенную фотографию Анны Ахматовой — сепию с царственным ликом и дарственным росчерком: «Милой Фаине» и прочитываю на обороте пометку Ф. Г. о книжке стихов с этой фотографией, подаренной ей в Алма-Ате, и о потерянном письме Анны Ахматовой. Беру пожелтевшую четвертушку бумаги: 19 декабря 1942. «Передоверью получить паек Литфонда заслуженной артистке РСФСР Фаине Георгиевне Раневской. Анна Ахматова».

А ослепшего Мальчика — собаку — я повстречал недавно на Икше. Он еще был жив и даже сплавал по Волге; нарушив ин-

струкции, капитан допустил его на теплоход, узнав о том, что он из семьи Раневской.

...А где же сама Фаина, где она? Нет ее в нашей земной юдоли. Ей осталось лишь побыть с нами. На случайных, частенько любительских, неясных, милых, сумбурных и бестолковых фотографиях... вновь присесть на осеннюю скамью вместе со своим другом и партнером Осипом Абдуловым... мелькнуть среди старомодных регланов и шляпок в каком-то приморском парке Кемери... поднять бокал шампанского с Полом Скофилдом и Майей Плисецкой... сняться на фоне дымной Магнитки... за чашкой чая с Толбухиным, маршалом-почитателем... остановиться на каком-то перроне среди незнакомых отъезжающих людей и... с веером сыгранных на своем веку ролей спешить, спешить туда, к истоку — к дачному театру в Малаховке, к чеховскому и ее Таганрогу, к фотографии юной мечтательницы, явившейся в мир, чтобы сказать: «Я вас так любила! Любила!»

Лунным, булгаковским светом залит сей путь. Потусторонен, фантастичен он. И озирают его великие свидетели.

Явится Бертольт Брехт, чтобы сказать: «Она великолепна! Поражительная человеческая глыба, очень смелая артистичность. Ходячий V-эффект, «эффект отчуждения», соль моей поэтики!»

Заметит вальяжный Алексей Толстой: «Раневская, как всегда, хороша, остроумна и трогательна».

Юный царственный Завадский — Калаф из «Турандот» воскликнет: «Ее персонажи возникают с бабелевской парадоксальностью!»

Лунная дорога. Станиславский извлекает рыбку из горла Москвина. «Мальчик! Мальчик мой дорогой!» Брежнев припиливает орден: «Муля! Не нервируй меня!»... И восхитительный, звездный поцелуй Юры Гагарина!

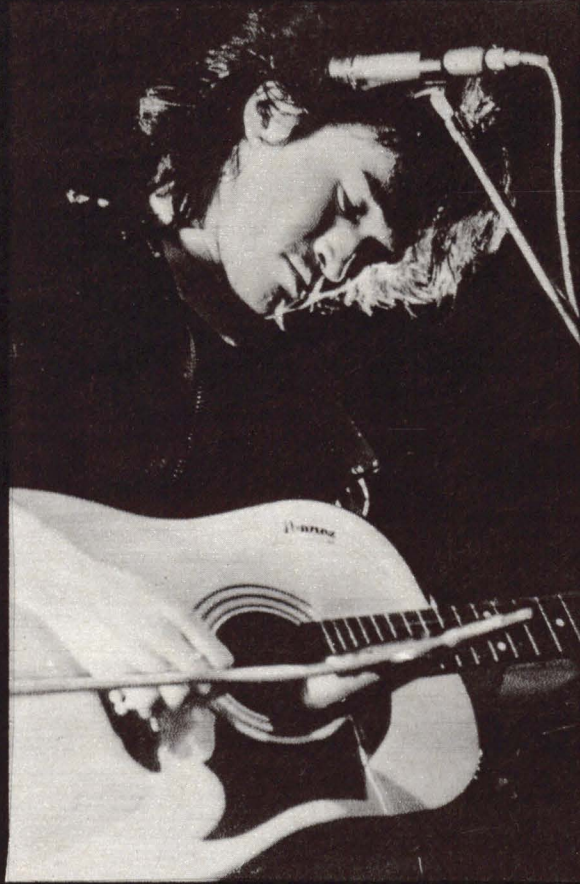
Сергей Юткевич: «Имя Чаплина возникло в памяти не случайно. В таком сопоставлении я не вижу преувеличения».

А перед нами калейдоскоп фотографий — ее образов.

Осип Абдулов: «Она многослойна, многокрасочна и на сцене и в жизни. Характерная актриса? Чепуха! Она целая труппа. Да-да! В старину антрепренер отбирал актеров по амплу. Так вот, Фаина и «героиня», и «травести», и «гранд-кокэт», и «благородный отец», и «герой-любовник», и «фат», и «простак», и «субретка», и «драматическая старуха», и «злодей». Все амплу в ней одной».

...И где-то на самом краешке этой истории, ее финальной лунной дороги, встретившись с нежным овалом мечтательницы, «барышни из Таганрога», разверзнутся слова Павла Антокольского, старца-поэта с пронзительным взором:

«На своем веку я видел, знал, запомнил множество русских актеров, актрис... Единственный актер, рядом с которым плечо к плечу я решительно ставлю Фаину Раневскую, был Михаил Александрович Чехов. Да-да... Фаина Раневская — актриса! Погодите! Она явление природы, как Ветер и Молния. Вот она кто!»

В автомобильной катастрофе погиб музыкант, лидер ленинградской группы «Кино», киноактер Виктор Цой. Идет время, но еще сильна боль от кровоточащей раны, оставленной в наших сердцах его трагической смертью. Смертью героя, навсегда одетого в черное.

ТОТ, КОМУ УМИРАТЬ МОЛОДЫМ

Рок-музыкант, руководитель группы «Мамонов и Алексей»
Петр МАМОНОВ:

— Каким я его запомнил?
Виктором Цоем.

Мы познакомились около десяти лет назад, дружили и вместе работали. У нас всегда очень хорошо складывались отношения, потому что были общее дело, одна компания, образ жизни.

Я любил его ранние песни. Немного меньше — то, что делала группа «Кино» в целом. Вместе в узком кругу мы играть никогда не пытались, но как музыканты всегда «обменивались» песнями:

я играл что-то новое ему, а он — мне. На одной сцене в последний раз мы играли вместе в прошлом году на гастролях в Париже.

Рашид Нугманов знал нас обоих по сцене и в «Игле» выбрал его на большую роль, меня — на маленькую. Я не считаю, что мой герой был антиподом героя Вити, просто он был незначительней.

Работа шла как-то очень по-семейному. Цой был в «Игле» композитором и постарался для тех сцен, где

появляюсь я, написать музыку в стиле нашей группы. Это был необычайно трогательный, милый и светлый эпизод.

...Никто из нас не знает, кто уйдет первым, кто вторым, кто следующим. 9 октября планируется мемориальный концерт в Москве. Может быть, в память о Вите я тоже буду в нем участвовать. Но мне кажется, что все это не очень хорошо. Друзей надо поминать в очень узком кругу близких, с водкой и общим горем.

Основатель рок-группы «Алиса», нынешний лидер ленинградского «Нате!»
Святослав ЗАДЕРИЙ:

— С Виктором мы встретились в 1983 году на I фестивале Ленинградского рок-клуба, когда «Алиса» и «Кино» прослушивались вместе как только что появившиеся группы. Потом мы работали с ним в котельной «Камчатка», но Цой часто ездил, имел более свободный график и реже там появлялся. Зато хорошо работал.

Сейчас его пытаются представить неким романтичным кочегаром, но на самом деле это был лишь образ короткого эпизода

его жизни. Если говорить по большому счету, то он скорее подбрасывал уголь в топку истории рок-н-ролла. В «Камчатке» же мы все просто имели достаточно свободного времени, чтобы делать свое дело. Цой сказал однажды: «Мне музыкой нужно заниматься, а не уголь кидать!» Так оно и было. А как музыкант добывает себе средства к существованию — это не важно.

В кино мы с ним встречались дважды: в «Иах-хе!», где вместе снимались, и в «Игле», на съем-

ках которой в Алма-Ате я просто присутствовал.

В жилах Цоя текла восточная кровь, и поэтому он был крайне скуп в изъяснении своего мироощущения. Хотя мы часто встречались, все личные отношения в его сознании складывались, по-моему, в некую однозначную данность, постулат. Мы с ним больше говорили о «высоких материях», делились мировоззрениями... И я могу уверенно сказать о Цое: это был мудрый и негибкий рокер.

Киноактер
Александр АБДУЛОВ:

— В тот траурный день 19 августа я приехал в Ленинград вместе с Андреем Макаревичем, чтобы почтить память Виктора.

Жаль, что мне никогда не удавалось с ним столкнуться

ся на съемочной площадке. У Соловьева он играл в «Ассе», я — в «Черной розе». Жаль...

Не могу сказать, что был его горячим поклонником, но знал и ценил его творчество.

Всегда очень тяжело, когда уходит талантливый в той или иной области человек (а Виктор, несомненно, был талантлив). Но надо помнить о таких людях, пока они живы...

Записала Т. Байдакова
Фото Г. Молитвина

портретная галерея «СЗ»

ВИКТОР ЦОЙ

● На холодной земле
стоит город большой,
там горят фонари
и машины гудят.
А над городом — ночь,
а над ночью — луна,
и сегодня луна
каплей крови красна.

Дом стоит,
свет горит,
из окна видна даль,
так откуда взялась печаль?
И вроде жив и здоров,
и вроде жить — не тужить,
так откуда взялась печаль?

А вокруг благодать:
ни черта не видать.
А вокруг красота:
не видать ни черта.
И все кричат «ура!»,
и все бегут вперед,
и над этим всем
новый день встает.

Дом стоит,
свет горит,
из окна видна даль,
так откуда взялась печаль?
И вроде жив и здоров,
и вроде жить — не тужить,
так откуда взялась печаль?

● Наши реки бедны водой,
в наши окна не видно дня,
наше утро похоже на ночь,
ну а ночь — для меня.
Глядя в жидкое зеркало луж,
на часы, что полвека стоят,
на до дыр зацелованный флаг,
я полцарства отдам за коня.

Играй, невеселая песня моя...

Командиры армии лет,
мы теряли в бою день за днем,
а когда мы разжигали огонь,
наш огонь тушили дождем.

Мы сидим у разбитых корыт
и гадаем на розе ветров,
а когда приходит время вставать,
мы сидим, мы ждем.

Играй, невеселая песня моя...

РЕЙТИНГ «АКТЕР»

(См. «СЭ» №№ 1, 5, 7, 9, 11
за 1990 год)

Предлагаем вниманию читателей журнала рейтинг популярности актеров советского кино, составленный на основании писем участников нашей игры, пришедших до 1 августа 1990 года.

Дмитрий ХАРАТЬЯН — 1486
Виктор ЦОЙ — 914
Сергей ЖИГУНОВ — 771
Владимир ШЕВЕЛЬКОВ — 727
Вениамин СМЕХОВ — 691
Михаил ЕФРЕМОВ — 592
Игорь КРАСАВИН — 434
Владимир ПРЕСНЯКОВ (мл.) — 421
Олег ШТЕФАНКО — 403
Игорь КЕБЛУШЕК — 363
Игорь СТАРЫГИН — 332
Олег МЕНЬШИКОВ — 317
Михаил БОЯРСКИЙ — 270
Александр СЕРОВ — 267
Наталья НЕГОДА — 256
Андрей ХАРИТОНОВ — 186
Ирина АЛФЕРОВА — 177
Ольга МАШНАЯ — 169
Татьяна ЛЮТАЕВА — 167
Константин КИНЧЕВ — 162

РЕЙТИНГ «АКТЕР»-II

Сообщаем первые результаты игры, полученные нами к 1 августа.

Список наиболее популярных зарубежных киноактеров возглавил Митхун ЧАКРОБОРТИ — 664 голоса. Далее следуют:

Айдан ШЕНЕР — 117
Тимоти ДАЛТОН — 107
Микеле ПЛАЧИДО — 77
Майкл ПРАЙД — 65
Ален ДЕЛОН — 58
ГОВИНДА — 57

Игра-90 завершается на страницах «Советского экрана» в конце года. При подведении заключительных итогов могут быть учтены лишь письма, присланные до 1 декабря.

ВНИМАНИЕ:

мы получили несколько возвращенных участниками игры пожелтевших со временем фотографий. К нашему глубокому сожалению, не во всех подобных корреспонденциях указан адрес отправителя, и мы не можем осуществить замену. Сейчас приходится убеждать, что из-за некачественных химикатов, производимых нашей промышленностью, часть фотографий, выполненных на первых порах игры, оказалась испорченной. Мы готовы заменить все бракованные снимки, но убедительно просим, возвращая их, указывать свой адрес.

Игра продолжается, ждем ваших писем.

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

нам пишут

по ним тоскуют

Сейчас появилось много молодых, талантливых актеров. Однако мое письмо не про это. Прочитала как-то, что у одной молодой актрисы есть красота, которая имеет немалое значение для съемок в кино. В общем, это, наверное, так. Но разве были красивыми Марина Ладынина и Фаина Раневская? Можно ли назвать красивыми Надежду Румянцеву, Валентину Владимирову, Люсьену Овчинникову и многих других? Нет. Они обаятельны так, что до сих пор тоскую, когда долго не вижу фильмы с их участием. Они уходят понемногу, и потому хотелось бы выразить большую благодарность, безмерную любовь к их таланту, пока они есть. Пусть прочитают и узнают, что их не забывают, по ним тоскуют.

Вам, Нонна Мордюкова, Вячеслав Тихонов, Надежда Румянцева, Светлана Дружинина, Инна Макарова, Валентина Владимировна, Алексей Баталов, Люсьена Овчинникова, Георгий Юматов, Сергей Бондарчук, Алла Ларионова, Николай Рыбников (которого до сих пор люблю без ума из всех актеров-мужчин), Лидия Смирнова, Юрий Белов — и ой, как многих еще хотелось бы упомянуть, — в общем, всем актерам 50-х, и 60-х, и ранних 30-х СПАСИБО огромное за труд, за талант, за правду и искренность и за то, что сердце болит вами и каждый раз радуется новой встрече. Не выразить любовь к вам словами, не сумею. Но хочу, чтобы вы знали: мы с семьей (у меня дети-двойняшки по 14 лет) по сто раз можем смотреть фильмы с вашим участием.

Л. Лысенко,
Ленск, ЯАССР

ищите суперзвезд

Я предпочитаю в кино коммерческий уклон. Но я не принимаю подделки и ширпотреб низкого качества.

Считаю, что 70% успеха фильма зависит от подбора актеров. Но у нас, по-моему, нет (или почти нет) актеров, которые могут что-нибудь стоящее сыграть в коммерческом фильме. Достаточно сравнить американских исполнителей с нашими — разница огромна. Какая у них пластика, внешние данные! Женщины красивые, индивидуальны, своеобразны. Мужчины — кумиры для пацанов. А у нас, может, я буду субъективным, нет красивых актрис. Попробуйте меня опровергнуть. Кроме Ирины Алферовой, из которой можно было бы сделать суперзвезду коммерческого кино, больше некого назвать красивыми. А ведь у нас есть девушки, которые могут конкурировать по своим внешним данным с западными звездами. Есть красивые парни, которые с удовольствием снялись бы в боевике. Суперзвезд надо искать на улице.

В. Лабода,
Минск

Гирт, поздравляю!

Исполнилось 50 лет замечательному актеру, народному артисту Латвийской ССР Гирту Яковлеву. Через ваш журнал поздравляю Вас, Гирт, с юбилеем! Желаю Вам крепкого здоровья, много интересных работ в кино и в театре, почаще встречаться с нами, зрителями.

Актера Гирта Яковлева мы знаем по многим кино- и телефильмам: «Прощание с Петербургом» (совершенно блистательный Штраус), «Петерс», «Соната над озером», «Обмен», «Смерть под парусом», «Семья Зитаров»... Он сыграл большие и маленькие, главные и эпизодические роли, но все они достоверны. Он актер разноплановый, умный, темпераментный, красивый. Его героям хочется верить.

Н. Угарова,
Москва

125319
Москва
Часовая ул. 55
СОВЕТСКИЙ
Экран

ПРИЕЗЖАЙТЕ В БИРЮБИДЖАН!

К нам когда-то приезжали актеры из Москвы, Ленинграда. У нас прекрасная филармония, есть где показать свои таланты. И зритель у нас благодарный и благодарный. Так не провести ли очередной фестиваль «Созвездие» в нашем городе? Или вообще на Дальнем Востоке? Передайте, пожалуйста, наше предложение Гильдии актеров советского кино.

Семья Ставчанских,
Бирюбиджан

ЭПИГРАММЫ

ЛЕОНИДУ ФИЛАТОВУ

С «Успехом» сыгран «Экипаж»,
Филатов всюду достоверен.
Вошли в актерский вернисаж
Матерый Грач, нарком Чичерин.

БОРИСЛАВУ БРОНДУКОВУ

Вам уже шестой десяток лет...
Ерунда, что больше — эпизоды.
Комедийный Вы? Считаю — нет,
Просто таковой Вы от природы.

Ю. Панин,
Кустанайская обл.

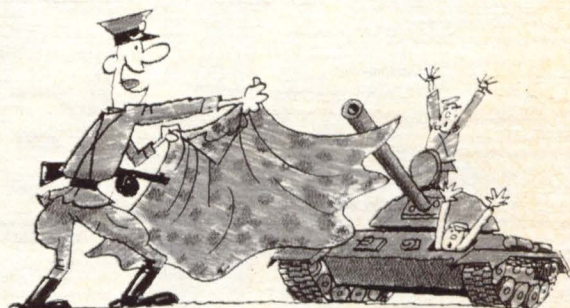
ГОЛОС ИЗ МАССОВКИ

Вам может это показаться странным, но мне нравится, когда ругают наше кинопроизводство. Ведь правда — большинство фильмов серые, скучные, а порой даже неправдивые до глупости.

В 1985—1987 годах я часто ходил на «Мосфильм» сниматься в массовке и посмотрел работу режиссеров и актеров в натуре, как говорится. Чего там мы только не видели! И стрельбу фашистов со второго этажа почти в упор по нашим солдатам, причем никто не погибал. И как командир стучал прикладом автомата по танку с включенным двигателем и водитель умудрялся его слышать... Фильм назывался «Репортаж с линии огня». Если режиссер не умеет снимать картины про войну — пусть лучше не берется. Это просто перевод времени и денег. Надоело смотреть всякие подделки.

Может быть, пора создать какую-нибудь комиссию, которая давала бы аттестацию режиссерам и аттестовывала бы не один раз после окончания института, а раз в 3—5 лет. Кино надо делать по-новому: быстро, качественно, красиво. Чтобы потом не было разделения на категории высшие и низшие. Фильмы должны сниматься для народа, включая все возрасты. Сейчас киностудии переходят на хозрасчет. Так пусть они и существуют на свои доходы, а если таковых нет, студия должна исчезнуть. В том же «загнивающем» Голливуде эта проблема решена с самого начала, а чем мы хуже?

М. Морогло,
в/ч 09403

ПОДРАЖАЛИ
ДИНЕ ДУРБИН

Мои родители, дедушка с бабушкой рассказывали мне, что они часто в юности бегали в кино посмотреть на любимых артистов. А когда выходили после сеанса, были полны желания делать добро, улыбаться, совершать прекрасные поступки. Они стремились быть похожими на популярных тогда артистов. Девушки делали прически, одевались, стараясь подражать Дине Дурбин, Вивьен Ли, Милице Корьюс, ребята — Алену Делону, Гойке Митичу, Жерару Филипу... Конечно, все были влюблены в Тихонову, Анофриеву, Рыбникова, Казакову, Харитонову, Отса, Смирнову, Целиковскую, Вертинскую... Этот список можно продолжать до бесконечности.

А сейчас выходишь из кинотеатра, и никак не хочется совершать прекрасные поступки, а хочется драться и убивать. Как надоели эротика, секс, порнография, убийства, драки! Такое ощущение, что все это пропагандируется специально, а потом удивляемся: почему столько грабежей, насилий? Давайте же создавать прекрасные фильмы! А уж если не можем, то показывайте хорошие старые ленты.

Е. Барышева,
Ленинград

УЛЫБКА
КАПИТАНА ЛЯЛИНА

Много встречалось мне замечательных актеров, выдающихся «звезд» с мировым именем, но отчего-то всегда помню я улыбку капитана Лялина из фильма «Друзья и годы», когда в первые мирные дни сорок пятого среди цветущих яблонь на чужой земле поет он песню Баснера «Это было недавно», обаятельную улыбку Олега Анофриева. Вспоминаются и другие фильмы с его участием: «Коллеги», «Схватка в пурге», «Проверено — мин нет», «Первый рейс»... А сколько песен он спел в мультфильмах!

В нашей быстротекущей жизни мы часто творим себе кумиров, потом забываем их, снова бросаемся к очередному кумиру...

Проходят годы, и все рассеивается, как дым. Но однажды в тиши кинозала или по радио мы вдруг услышим голос, возвращающий нам детство, юность, свет души. Они работают не для показа, эти актеры, не для эффектов и сиюминутных развлечений, может, потому мы не всегда при жизни оцениваем их по достоинству. Право же, такие актеры, как Олег Анофриев, закладывали в наши детские души неповторимый свет, тепло от которого приходит к нам и по сей день.

Я благодарю Вас, Олег Андреевич, за то, что в моем детстве и юности были Вы. Я поздравляю Вас от всей души с шестидесятилетием и желаю Вам творческого долголетия.

В. Шадрин,
Пермская обл.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
МИТХУНУ ЧАКРОБОРТИ

Звезда индийского кино!
Как ты далек и экзотичен,
Как ты талантлив и красив,
Для северянок — непривычен!

Как узнаваем, ярко ты,
Танцуешь или поешь — всегда прекрасен,
Ты — персонаж моей мечты —
Над юными сердцами властен!

Твое лицо мне часто снится,
Но хочется мне все равно
Тебя воочию увидеть,
Хотя б в журнале о кино.

(Например, в «Советском экране»)
Катя Путинцева, 10 лет,
г. Нягань, Тюменская обл.

Ведет
Юрий БОГОМОЛОВ

КАРЛСОН,
КОТОРЫЙ ЖИВЕТ
НА БЕЙКЕР-СТРИТ

Госкино, судя по эфиру, прижало Гостелерадио: новые фильмы почти исчезли из программ, и ТВ спасается тем, что показывает снятое им самим и ведущими студиями страны по его, Гостелерадио, заказу.

За сравнительно короткое время по разным каналам ЦТ можно было посмотреть несколько вполне достойных лент. Тут и «Маленькие трагедии» М. Швейцера, и «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой, и «Место встречи изменить нельзя» Ст. Говорухина. Наконец, «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» — картина И. Масленникова, на которой я позволю себе задержать внимание читателя.

Как нельзя дважды войти в одну реку, так невозможно дважды посмотреть один и тот же фильм.

С рекой все понятно. Что касается кино, то здесь это правило кажется не столь очевидным.

Вот и «Холмс» Игоря Масленникова — все вроде по-старому, как при первой встрече: те же герои, те же криминальные загадки и дедуктивные разгадки, те же шутки и розыгрыши, и, разумеется, те же артисты. Но смотрится это иначе, и видится другое.

Во-первых, многое значит психологическая установка. Премьера настраивает на ожидание новости. Даже в том случае, если назубок знаешь литературный источник.

Помню, когда в первый раз смотрел сериал Масленникова, все сверял кинематографические впечатления с литературными.

Находил сходство — был недоволен отсутствием творческой дерзости.

Обнаруживал несовпадения — сетовал на волюнтаризм режиссера и сценариста.

Что касается впечатлений, оставленных актерами, то в мыслях было нечто неопределенное... Думалось: да, можно и так; нет противопоказаний, чтобы Василий Ливанов играл мистера Холмса, а Виталий Соломин — доктора Ватсона...

Хотя можно было бы и по-другому. Можно было бы Холмса отдать Леониду Филатову, а Ватсона — Соломину Юрию... А Лестрейда — не Брондукову, а Леонову. В общем, все казалось не слишком обязательным, в том числе и сама экранизация: с чего, мол, и зачем?

Словом, в первый раз я смотрел не фильм, а экранизацию.

И только теперь увидел, что это — кино, что это фильм по-своему обаятельный. Его не скучно смотреть во второй раз, что уже немало.

И еще я заметил, что настоящими героями многосерийной картины являются не герои, а артисты, их играющие. Они играют не Конан Дойла, они играют в Конан Дойла.

«Шерлок Холмс» — это уже не литература, это, можно сказать, настольная игра

с общеизвестными правилами и возможностями.

И так же, как в шахматной партии: хотя все внимание приковано к резным деревянным фигуркам, понятно, что интеллектуальные и артистические подвиги совершают не фигурки, а мастера, передвигающие их с клетки на клетку.

Василий Ливанов «фигурку» Холмса делает то подчеркнуто важным интеллектуалом, то озорным Карлсоном, даже Карлсончиком (благо, голос Холмса по тембру, по интонации удивительно похож на голос мультипликационного героя, хотя, с другой стороны, почему бы этим голосам и не быть похожими, если они принадлежат одному и тому же артисту). Но дело не только в этом. Дело еще, как принято говорить, — в линии поведения знаменитого сыщика с Бейкер-стрит. Он появляется, как Карлсон, в самые неожиданные мгновения, исчезает — в самые неподходящие. Любит подшутить над фрекен Бок, то бишь миссис Хадсон в исполнении Рины Зеленой, которая сама не прочь подтрунить над своей героиней.

А «фигурка» Ватсона в исполнении Виталия Соломина уже независимо от голоса артиста начинает походить на линдгреновского Малыша, который поначалу удивляет озорному характеру Карлсона-Холмса, а затем сам входит во вкус его подвигам.

А «фигурки» Лестрейда или всякого рода жуликов вплоть до профессора Мориарти — их тоже легко отождествить с условными персонажами детско-шведской писательницы.

Что еще бросается в глаза, так это то, что артисты, снимаясь, получали удовольствие не только от своей игры, но и от игры в «Шерлока Холмса». «Бросается» потому, что сегодня так редко приходится видеть торжество артистизма.

Наконец, сказав «во-первых» где-то в начале текста, надо произнести и «во-вторых».

Во-вторых, много значит контекст, в котором смотришь картину.

Снята и показана была она впервые в годы застоя, основным достоинством которого можно считать стабильность. Ее (стабильности) в жизни было через край. И на экране дом на Бейкер-стрит с его невозмутимыми обитателями не казался новостью.

Зато сегодня нечто постоянное, предсказуемое и контролируемое (например, преступность) — настоящая сенсация.

Смотреть по второму разу фильмы не худшее из развлечений.

В том, что Госкино «зажало» фильмы, есть, значит, свой резон.

И на этот раз не было бы счастья, да несчастье помогло.

МЭРИЛ СТРИП

В 70-е годы американские критики назвали Мэрил Стрип актрисой новой эры, кинозвездой будущего. Ее нельзя отнести ни к знойным красавицам с ногами, растущими «от шеи», ни к темпераментным голливудским «гёрлз», один вид которых вызывает у мужчин усиленное сердцебиение. И тем не менее...

Будучи в романтическом шестнадцатилетнем возрасте, она целый месяц провела у зеркала, распрямляя волосы и обучаясь хитрому искусству пользоваться фантастическими достижениями американской парфюмерии. Справившись с внешностью «гадкого утенка», не впутывая родителей в свои себе самой пока неясные идеи, заработав официанткой пятнадцать долларов, Мэрил Стрип сделала вступительный взнос на актерский факультет Йельского университета.

Раньше, в колледже, ее завораживали длинноволосые интеллектуалки, сидевшие день-деньской в библиотеке и носившие с собой кипу всяческих томов и блокнотов. Девочке из крайне чопорной школы, где царил стиль 50-х, все это было внове и очень привлекало. Подражая интеллектуалкам, она даже приобрела себе очки в легкой оправе.

Прошли годы. Юношеские идеалы, независимый ум, менталитет как самооценność, чувственность как черта развитого интеллекта легли в основу того типа, который актриса вывела на американский экран. По аналогии с определением традиционного женского обаяния — «она вся сделана из низа», про Мэрил Стрип можно сказать, что она (и ее эротичность в том числе) «вся сделана из верха». Ее персонажи по большей мере относятся к тому типу женщин, которых интеллект делает хорошенькими даже при помощи того, что называется «штучками».

В своих ролях Стрип демонстрирует все варианты эмансипации в глобальном объеме этого движения. В «Женщине французского лейтенанта» (режиссер К. Рейш) — эмансипацию классическую, во «Вне Африки» (режиссер С. Поллак) — расцвет модерна, в «Манхэттене» (режиссер В. Аллен) — сексуальность и даже лесбийское партнерство как результат революционных 60-х, в «Чертополохе» (режиссер Э. Бабенко) — принципиальное равноправие алкоголички-аутсайдерши с другими членами общества.

Все эти картины сняты в десятилетие между концом 70-х и концом

«Крамер против Крамера», «Женщина французского лейтенанта», «Вне Африки»

80-х, когда пытались по-новому взглянуть на такие вещи, как стыд, страх, темперамент, смелость, превращенные в свое время голливудской мифологией в канонические маски. Новая плеяда «антизвезд» — Дастин Хоффман, Джек Николсон, Барбара Стрейзанд, Миа Фэрроу и другие им подобные — взяла это дело на себя. Вместе с Мэрил Стрип они составили поколение актеров, для которых психоанализ не был отвлеченной, абстрактной наукой. Напротив, им они поверяли чисто бытовую практику. В области интимных отношений мотивы некогда загадочного либидо излагались с ясностью педервицы.

В свете этих перемен пафос ро-

мана Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта», по которому был снят фильм, принесший Мэрил Стрип громадную популярность, определил тему, по сей день основную для ролей актрисы. В образе своей героини она усмотрела и раскрыла для зрителей парадоксы эмоционального потенциала, таящегося в корсете викторианских условностей, которые вызывают столкновение твердых ханжеских принципов и неотвратимого влечения. Большинство образов героинь Мэрил Стрип из ряда, о котором идет речь, драматургически и режиссерски задумывалось именно как взрывы заповедных страстей. Американцы не любят того, что они определяют словом «ве-

ird» — «странное и с привкусом порочности» (или попросту — «грех»), но эмоции героинь Стрип, высокие и облагораживающие, — подходящий продукт для потребителя, у которого на домашней полке стоят рядышком Библия, конституция и книга о семейном сексе...

В фильмах со всевозможными вариантами сюжетов Мэрил Стрип сыграла со звездами, символизирующими самые разные типы мироощущений: с рефлексирующим англичанином Джереми Айронсом, с магическим полисексуальным германцем Клаусом Марией Брандауэром, с классическим романтиком Нового Света Робертом Рэдфордом, с неврастеником эпохи американского интеллектуального

бунта Джеком Николсоном, с мастером самопародии, свехироничным и свехмнительным Вуди Алленом.

Не так давно она переехала в Лос-Анджелес из лондонского Сохо — района продуктивной богемы и интеллектуалов-интравертов. Конечно, местожительство — это так же несерьезно, как и страсть к телефонным разговорам, о которой Стрип неоднократно упоминала в интервью. Но шутки шутками, а эти мелочи, наряду с великолепными ролями, подбором партнеров и мировоззрением, — еще одно подтверждение того, что Мэрил Стрип — интеллектуалка.

Марина ДРОЗДОВА

АЛЕН ДЕЛОН- ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ И ЖЕРТВА

Недавно в Москве с краткосрочным деловым визитом побывал известный французский актер Аллен Делон, который, как поется в нашумевшей песенке, «не пьет одеколон».

Делон пользуется большой популярностью в нашей стране. Широко известны картины с его участием — «На ярком солнце», «Рокко и его братья», «Искатели приключений», «Мелодии из подвала», «Черный тюльпан». Снимался Делон и в советском фильме «Тегеран-43», где он сыграл комиссара полиции.

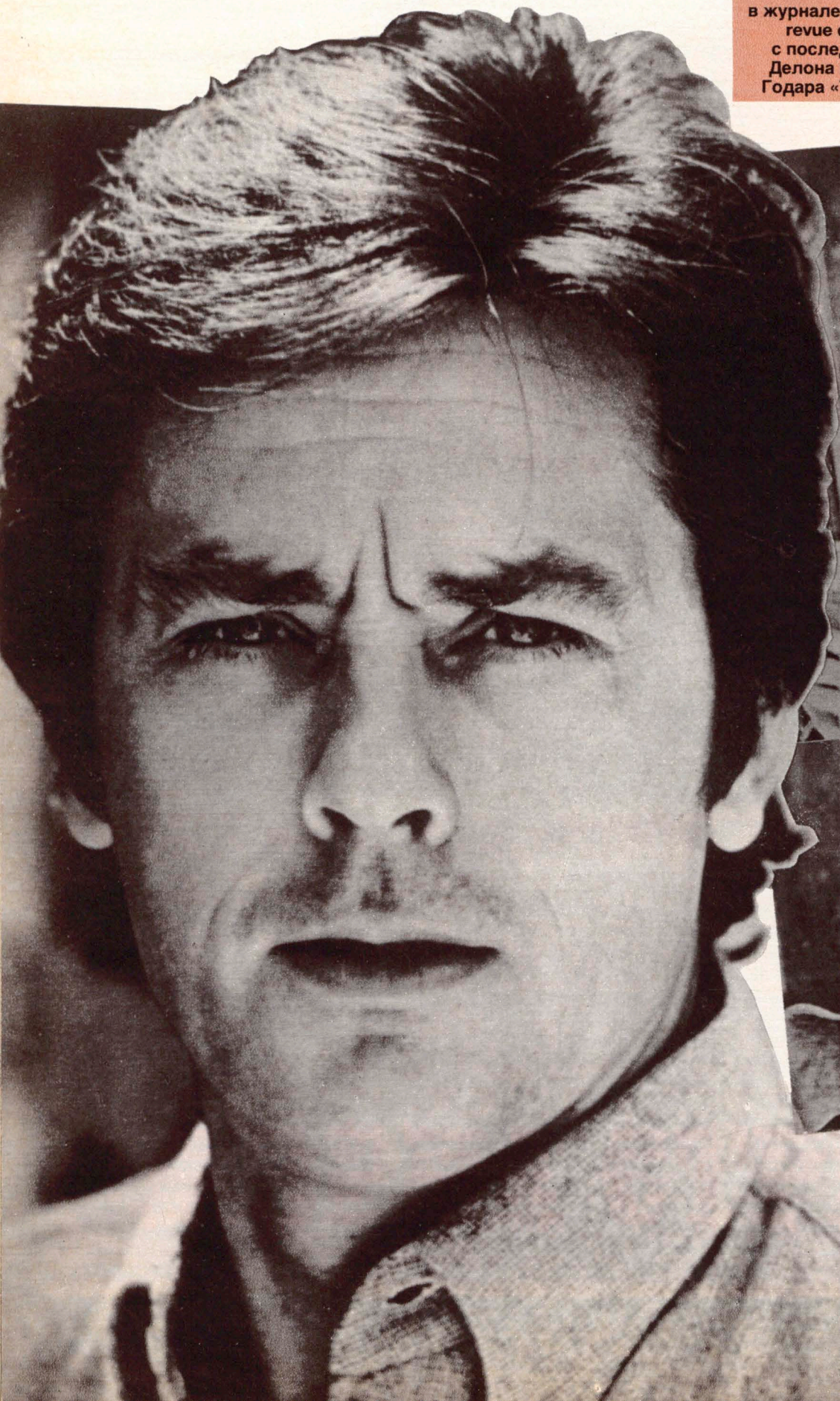
Нашим читателям, думаем, интересно ознакомиться со статьей французского критика Ива Альена, напечатанной в журнале «Ревю дю синема» (La revue du Cinéma) в связи с последней работой Аллена Делона в фильме Жан-Люка Годара «Танцующая машина».

Можно все что угодно говорить об Аллене Делоне, но в смелости отказать ему нельзя. Актер, казалось бы, навечно внесенный в список исполнителей ролей демонических мужчин, не боится обмануть ожидания своей публики.

Вполне возможно, что участие Делона в новом фильме Годара «Танцующая машина», где он предстал в непривычной для себя роли, может стать решающим в его судьбе.

Актерская карьера Делона началась в эпоху бурного подъема «новой волны», но также очевидно и другое — Делону не представлялся случай (а может быть, и не было желания) вступать в воды этого течения. И лишь в зрелые годы ему довелось участвовать в фильме одного из зачинателей этого направления — Жан-Люка Годара.

В кино Делона привел известный в ту пору режиссер Ив Алле-

«Леопард»
«Ледяные груди»
«Тегеран-43»
«Барсалино»

гре. Но первая картина с его участием, «Когда вмешивается женщина»; не оставила заметного следа в биографии актера. Известность Делону принесла роль Тома Рипли в фильме «На ярком солнце», великолепном и изощренном детективе Рене Клемана. Именно в этой роли отчетливо проявились индивидуальность Делона, его актерское своеобразие: ангельская внешность (его мужская грация неоспорима) и демоническая внутренняя сущность. Спустя девять лет в «Бассейне» Жака Девера Ален Делон еще в большей мере продемонстрирует свое отравленное ядом демонизма отрицание.

Именно в таком качестве, на время оставив французское кино, Делон начал свою короткую, но ослепительную карьеру в итальянском кинематографе. Он становится одним из лучших исполнителей в дорогой сердцу Антониони драме отчуждения «Затмение» и в картинах Висконти «Рокко и его братья», «Леопард». Вслед за успехом в лентах мэтров итальянского кино Делон пробует свои силы в жанре фильмов «плаща и шпаги». «Черный тюльпан» вовсе не такой уж слабый фильм. Но Делон в нем берется не за свое дело — актерское

амплуа Жана Маре и Жерара Филипа ему чуждо. Все слишком просто, слишком очевидно, слишком романтично. Пожалуй, его даным куда более соответствует образ одинокого изгоя общества. Такова одна из самых прекрасных его ролей в полицейской драме Жан-Пьера Мельвиля «Самурай». Персонаж Делона в этом фильме явился для него чем-то вроде символа веры, адекватным отражением его истинного «я».

В течение нескольких лет актер снимается почти во всех значительных детективных лентах, почти у всех крупных мастеров этого жанра. Взлету популярности Делона способствовал Верней, снимавший его вместе с Жаном Габеном. В «Сицилийском клане» и позже, в «Мелодиях из подвала», отчетливо проявилось взаимопонимание этих двух звезд. Само партнерство с Габеном было воспринято Аленом Делоном как факт своего истинного посвящения в профессию. Правда, последующие события развивались для Делона в русле, гораздо менее интересном в творческом отношении, — его контроль над собственной актерской работой ослабевал по мере того, как он сам становился продюсером, а то и режиссером своих фильмов.

Предпринятые им в течение последних лет попытки разрушить в сознании зрителей «монумент», именуемый «образом Алена Делона на экране», представляются нам наиболее значительными и важными. Даже если на этом пути у него и не было бесспорных удач, все равно аллегории Сержа Лероя «Внимание, дети смотрят» или Алена Жессуа «Шоковая терапия», в которых он снимался, достойны уважения. Образы «униженных» и «оскорбленных», которых артист с периодичностью раз или два в десятилетие воплощает на экране, являются свидетельством его огромного таланта.

Увы, публика далеко не всегда проявляет благосклонность к этим поискам Алена Делона, предпочи-

«Рокко и его братья»

тая видеть его в криминальных или полицейских драмах.

Но ныне ситуация как будто изменилась. Детективные фильмы уже не «обречены» автоматически на успех, да и Делон перешел за пятидесятилетний рубеж. Как и Бельмондо, он, кажется, перевернул страницу своей творческой биографии. Надеемся, что новая глава, которую он начал писать вместе с Годаром, будет не менее великолепной, чем его предыдущие создания.

Перевод с французского
Лилии Миускиной

ДАМА ПИРАТСКОГО СЕРДЦА

— Актерство — авантурное ремесло, полное неожиданных приключений: никогда не знаешь, что ждет тебя, — можно долго сидеть в болоте, а потом вдруг выйти в открытое море! — улыбается французская актриса Валери Жанне, которую корабль судьбы забросил на киностудию имени М. Горького. Здесь, в приключенческой ленте по знаменитому роману Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада», она сыграет возлюбленную героя, благородного пирата, борца с несправедливостью Питера Блада.

Зрители старшего поколения наверняка помнят американский фильм «Остров страданий» («Капитан Блад»), где героя играл сногшибательный красавец Эррол Флинн, а Арабеллу Бишоп — Оливия Де Хэвилленд. Очаровательная, женственная, романтическая! Казалось, она была воплощением идеала. Но каждое время порождает собственных кумиров. И надо полагать, что скоро — после выхода советско-французской картины о Блэде (а ставит ее режиссер Андрей Праченко) — любимцами зрителей станут Ив Ламбрешт (это ему довелось примерить шляпу капитана пиратов) и Валери Жанне.

Короткое интервью с актрисой перед примеркой костюма XVIII века.

— Валери, известно, что вы учились в школе классического танца в Парижской опере...

— Да, и это мне очень пригодилось в моей первой картине — мелодраме «Глория», куда в 1977 году меня пригласил режиссер Клод Отан-Лара (советский зритель помнит его фильм «Красное и черное» по Стендалю). Актерскому же мастерству пришлось учиться во время съемок. Зато поняла, что быть актрисой — наилучший для меня способ самовыражения. Пришлось уже поработать и на телевидении, и в театре, и на радио.

— На сцене что-нибудь интересное удалось сыграть?

— О! Замечательные пьесы — «Антигона», «Электра», «Кавалер д'Ольмейда». И партнеры, общение с каждым из которых — открытие нового мира для меня.

— А что в последнее время играли в кино?

— Буквально в прошлом году снялась в двух фильмах режиссера Жан-Клода Бьетте — «Карпатский гриб» и «Охота под наблюдением».

— Ваши первые впечатления от советской съемочной группы?

— Думаю, Андрей Праченко — талантливый молодой режиссер, интеллигентный, умный, работать с таким — всегда радость для актера. Если первый мой опыт сотрудничества с советскими коллегами пройдет успешно, я не против продолжения...

— «Одиссея капитана Блада» — фильм о любви, дружбе, чувстве долга и чести — не слишком типичен сегодня для нашего кино; идет волна «чернухи», эротики...

— Эротика — неотъемлемая часть культуры, в ней отражаются и процессы, происходящие в обществе. Именно эротика дает нам почувствовать, насколько необходима настоящая, чистая любовь. Думаю, ваши зрители скоро поймут это.

— Как представляете себе современного актера?

— Питер Брук как-то сказал: «Актер — слепой, ведущий других слепцов». Я же считаю, что задача артиста — открыть глаза зрителю, пробудить в нем доброе и прекрасное. Для этого сам актер должен быть разносторонним человеком, думающим, тонко чувствующим мир, жаждущим узнавать новое. Желательно, чтобы он знал несколько языков, пел, танцевал, держал в форме свои мускулы, в том числе «мускулы души».

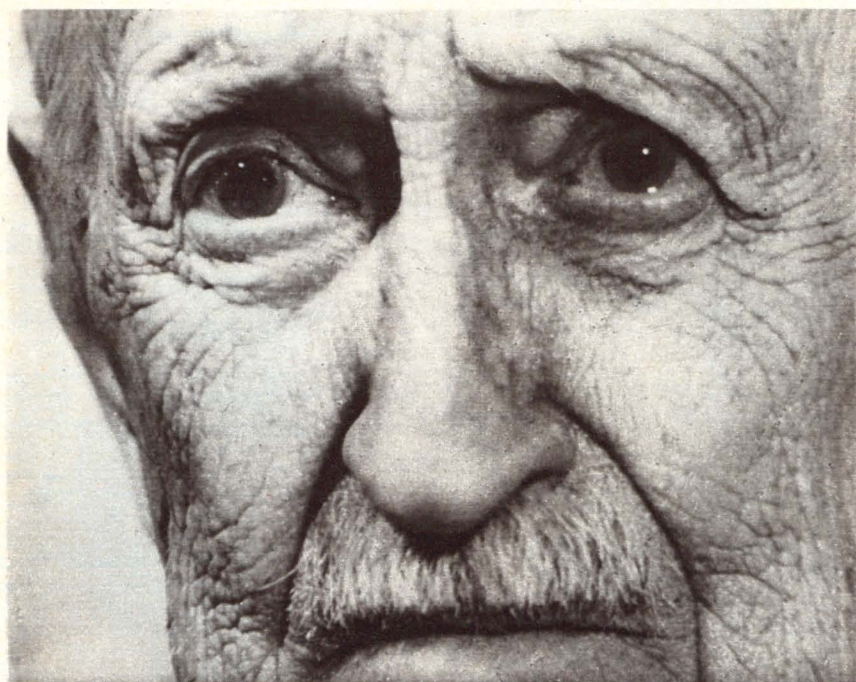
— Ваши достоинства и недостатки?

— Достоинство? Очень увлекаюсь каждой работой! Это для меня всегда событие, так что вкладываю все силы... Недостаток? Очень увлекаюсь каждой работой! И порой не замечаю, что оказываюсь втянутой в какую-нибудь авантюру. Даже самой иногда становится страшно.

— А что любите больше всего?

— Конечно, работать. А еще — собирать грибы: есть у меня такое маленькое хобби. Стараюсь развивать себя и мечтаю пережить не менее удивительные приключения, чем моя героиня Арабелла Бишоп, дама пиратского сердца.

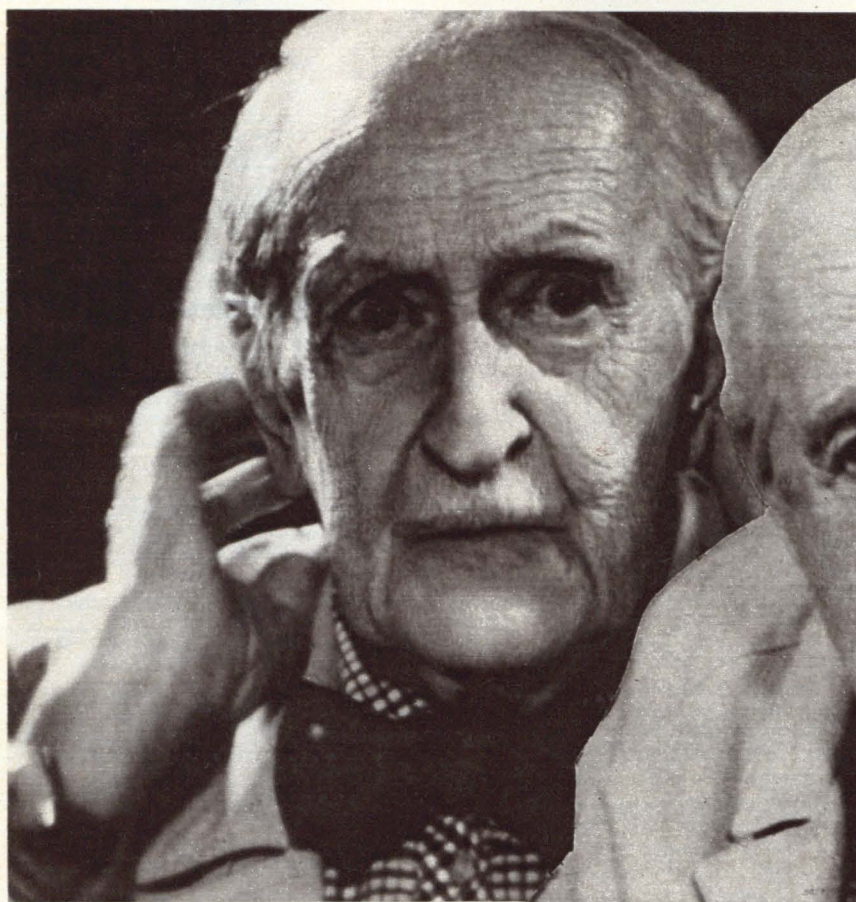

Добраться от Москвы до небольшого уральского городка Миасса не так-то просто. Самолетом до Челябинска, затем на автобусе до вокзала, оттуда — два часа на электричке. А тот, к кому едем, живет на противоположном от вокзала конце Миасса — хоть и невелик он, а все же еще около часа на троллейбусе. Уральские горы виднеются сквозь смрадные облака пыли и цемента. За рядами колючей проволоки нарастает гигант державной тяжелой промышленности. Производятся автомобили. Но в историю-то, подзреваем, Миасс войдет не этим. А тем, что тогда-то и тогда-то в нем жил и работал выдающийся деятель отечественной культуры Леонид Леонидович Оболенский (впрочем, местным жителям это почти невдомек). Легендарный кулешовец, ученик, соратник и друг С. М. Эйзенштейна, родоначальник звука в нашем кинематогра-

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЕОНИДА ОБОЛЕНСКОГО

*Кадры из фильма
«Ваш «уходящий объект»
Леонид Оболенский»*

фе, актер, который еще три года назад активно снимался... Представляешь его дом, как что-то романтически-возвышенное, подвижнически-благородное: не дом — музей с тысячетомной библиотекой, богатейшим архивом — словом, культурный центр, просветительский очаг...

Не успели открыть дверь — до невероятия знакомый голос, с явным оттенком нетерпения: «Ну, где же они, наконец?» И сжалось сердце: единственная маленькая комнатка с низким потолком, без прихожей, окно с треснутым стеклом... Весь архив — старенький — до слез — школьный какой-то, полудетский черный портфельчик, перевязанный тесемкой. И над всем этим жалким бытом возвышается старец, человек Возрождения, с доселе неутоленным любопытством к жизни, жадностью, ненасытностью бытия и познания. В нем та интеллигентность, которая передается лишь генетически — через многие поколения. И — порода. Пусть-пусть Оболенский кокетливо отрещивается от княжеского происхождения, я, мол, из тех, которые Оболенские «с Телепней» (Оболенские — Телепневы), из казачков, служивших у князей Оболенских...

Актер, ах, актер! Подозреваем, что серая фантовая беретка, которую он нацепил, неспроста. Удивительно, что может сделать с обыкновенной береткой гениальный артист. Играет ей и так и сяк, о колено — трах! — кокетливо набок, залихватски на затылок, всмятку... Пластичен. Красив. Жене, влюбленной в него, 30. На первый взгляд, прикован к креслу — перелом бедра. В 88 — не шутки. Но на-

В СТРАНЕ БОЛЬШЕВИКОВ

столько непоседлив, что ощущение полной подвижности тела: вертится, вскакивает, здоровая нога взлетает до потолка. То и дело заливаются смехом, который внезапно сменяется усталостью и тихим, мудрым вслушиванием в себя и окружающих.

И вот мы вместе с Оболенским — в 20-х, когда он, молодой, творчески одаренный, элегантный красавец легко входил в мир искусства. На сцене известного в ту пору театра «Кривой Джимми» Оболенский блистал в качестве актера, танцора, акробата. На экране — выделял фокусы вместе с остальными кулешовцами в ставших теперь классикой фильмах «На Красном фронте», «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», «Луч смерти»...

— Нам было трудновато жить. Барнет боролся в цирке под красной маской. Комаров преподавал гимнастику и акробатику. Пудовкин конструировал духи — «Сок эльфа», «Букет королевы» — и продавал их на Сухаревке. Сделает флакончик, продаст, покушает немножко. Мне они завидовали, потому что я питался в ресторане, где бил чечетку. Научился чечетке на эстраде во время напа — жить-то надо было. А после представлений в качестве наемного танцора вальсировал в зале с нэпмановскими тетками. Я был пластичен, и меня присмотрел Касьян Голейзовский. Танцевал у него в «Послеполуденном отдыхе фавна» Дебюсси с Зиной Тарховской. Я был фавном, ловил ее в полусне, качались нимфы, вот она у меня в руках, я хочу ее поцеловать, но не смею тронуть, разматываю ее шарф, она исчезает, а я... на какой-то дурацкой конструкции грешу с шарфом. У фавна были сделанные Борей Эрдманом трусики из веревочки и больше ничего — так что «голее зовского» некуда. Рецензии на спектакль были хорошие. До сих пор, мне кажется, ничего лучше в жизни не сделал.

Голейзовский, Пудовкин, Барнет, Кулешов. А еще — Бабель, Гроссман, Платонов, Мейерхольд, Эйзенштейн... Люди, с которыми работал Оболенский. А тех, с которыми он был знаком, встречался и о которых мы, кажется, знаем все — а Оболенский вдруг одним штрихом разрушает хрестоматийный образ, — просто тьма. От Луначарского до Ильи Глазунова, от Осипа Брика до Эйнштейна, от Маяковского до Евтушенко... Новые, неизвестные нам, живые, вовлеченные в водоворот безумной отечественной истории, которую мы сейчас пытаемся познать. Он сам — ее часть, и мы жадно вслушиваемся в речь, которая сегодня звучит почти как марсианская: изящество слога и парадоксальность мышления, полет фантазии...

— ...Сценаристом на хулиганской картине «Эх, яблочко» был серьезный Туркин. А мне

нужны были стишки — попроще да позвончее. Посоветовали Андрея Платонова. Тихий, скромный, на словцо острый. Забавные метафоры в речи. Он с удовольствием согласился побаловаться: «Башка трещит, аж не видно света. Клопы на местах, а мальчишки нету...»

...Тиссэ? Американская шляпа... Весь плакатный!

...Бабель, когда читал Шолом-Алейхема, был просто великолепен. Сколько доброты и великодушия у этого человека! Я был звукорежиссером на картине «Глюк ауф!» по Гроссману. Работа не шла. Пошел к Бабелю, который всегда всех выручал. «Ленечка, — говорит, улыбаясь. — Почему же у вас шахтеры уголек рубают под тяжелый марш? Попробуйте вальс...»

Удивительная жизнь, романтическая и трагическая, полная приключений, драматических поворотов, творческих кульбитов. В начале 30-х в Берлине, куда он был послан перенять опыт звукового кино и раздобыть аппаратуру, танцевал с Марлен Дитрих, а двадцать лет спустя, в ссылке в Минусинске, расписывал туалет «под мрамор» начальнику шахты Черногорки; в конце 30-х во ВГИКе учил Михаила Швейцера основам профессии режиссера, а через несколько лет в лагере для военнопленных около Мюнхена строил планы побега; в середине 40-х в монастыре близ Бендер был пострижен в монахи и нес службу, а чуть позже, в Воркуте, в сталинском лагере, бил кайлом лед... И не случайно, наверное, на всех жизненных поворотах судьба сталкивала Оболенского с цветом отечествен-

ной интеллигенции, людьми такими же необыкновенными, как он сам, испытывавшими те же страдания, бедствия и лишения, что и он.

Скажем, с известным и даже популярным ныне профессором, экономистом-аграрником А. В. Чаиновым, которого идеи о кооперации в 30-м привели к расстрелу. По сценарию Чаинова в 28-м году Леонид Оболенский поставил фильм «Альбидум».

— Чаинова я никогда не забуду. Это изящнейший литератор, тончайший писатель бунинского типа. Подарил мне великолепную книжку новелл, которая, к сожалению, пропала. Наш фильм — о попытке спасения голодного Заволжья вавилонским способом — при помощи нового сорта пшеницы. Вавилова у нас играл актер Уральский. А весьма популярная в те годы Жизнева — его лаборантку. Снимали на Саратовской опытной станции. Профессор, руководитель станции, был расстрелян в 40-м году. Таким образом, уничтожены трое: профессор-селекционер, автор сценария и тема. Ну а режиссер отсидел попозже, по другим, правда, делам.

На фильме я работал с Александром Родченко, про которого Маяковский говорил: «У тебя, Саша, субъективный объектив». В «Альбидуме» мне нужно было показать одного банкира. Он встречается с дамой, которую собирается посылать в качестве разведчицы в Советский Союз узнать, действительно ли там есть какой-то хороший сорт пшеницы. Великий выдумщик Родченко говорит: «Им нужно беседовать в шикарном обстановке, чтоб непохоже было на полуголодную Россию. Ресторан «Яр», кабинет, балкон, огромная люстра над столом. Белоснежная скатерть, сытая рожа, полуголое плечо, сверкающий хрусталь! А потом изобразим, как дама охотилась на тигров со слонов». «Но это же бредово, Саша!» — говорю я. «Нет, не бредово, мы сделаем так: огромную куклу слона в виде игрушки, которая мотает головой, и не тигров поставим, а зайцев, в которых она будет стрелять. А подбирать стреляных зайцев будет слуга-китаец. Черт-те что — сразу ясно, что дело происходит не у нас».

Наткнулись мы как-то на статью С. Каленикина «Кому не по нраву погода» («Смена» № 13, 1988). «Коль речь зашла о научном наследии, — пишет автор статьи, — нельзя умолчать и о Г. М. Данишевском — участнике гражданской войны, выдающемся деятеле советской медицины, основоположнике климатопатологии (...)

По доносу своих же сотрудников в 1937 году Г. М. Данишевский был арестован и осужден на 20 лет. Но и в Сибири Г. М. Данишевский продолжал научную работу: писал, наблюдал, лечил людей...».

Знаете, кто был среди помощников Данишевского в лагере? Леонид Леонидович Оболен-

ский. Работал статистиком в лазарете у профессора Данишевского. Записывал то, что говорились докторами, по-латыни. Латынь Оболенский, естественно, знал еще со времен гимназии, но освежил знания языка совсем незадолго до того, в монастыре в Кицканах, куда попал во время войны, бежав из плена.

— Это афонский монастырь греческого устава. В монастыре была блестящая библиотека, в которой я пропадал все свободное время, читая Всемирную историю по-латыни.

Я был пострижен в монахи — перед вами, друзья, монах Лаврентий — и стал послушником у преподобного Елиферия. Он мне объяснил, что такое смирение и что такое послушание — быть с миром и слушать. Когда я пришел к архиерею и сказал, что чекисты меня, очевидно, вскоре заберут, он ответил: «Только когда вернетесь, не подходите близко к религии. Не надо пачкать ее. И так на нее налипло много грязи. Вы говорите, что занимались искусством? Так вот вам, мой дорогой, мое послушание. Все, что бы вы ни делали в искусстве, должно тронуть человеческое сердце, ибо сердца сейчас настолько задубели, что не могут принять истины даже для себя, а не то что какой-то обшей». Говорил мне это архиерей, епископ Кисуневско-Молдавский, в прошлом, во время гражданской войны, командир артиллерийской бригады. Отсидевший 25 лет и выпущенный на волю в связи с разрешением во время войны отпевать умерших.

Как-то по телевидению разом прокрутили целую обойму фильмов с участием Леонида Оболенского: «Чужая», «Красное и черное», «Вспоминная Менделеева», «На исходе лета», «Россия молодая», «Миллион в брачной корзине»... Роли в этих картинах не из лучших, которые были сыграны им в последние годы, годы «второго рождения» Оболенского-актера.

И все же уверены, что даже те зрители, для которых имя патриарха советского кинематографа забыто или совсем неизвестно, испытали какое-то редкое ощущение при появлении в высшей степени одухотворенного старомодного лица, при звуке голоса — тихого, надтреснутого, заставляющего прислушаться к себе. У него в силу происхождения, воспитания, образованности такой уровень культуры речи, какой сейчас — явление почти уникальное, культуры вообще (не убитой ни скитаниями, ни лагерными бараками), идущей не от совнаробраза, рабфактов или партшкол, а от хороших книг, от деда Леонида Егоровича, редактора-издателя «Русского богатства», печатавшего Л. Н. Толстого, от отца-дипломата, директора Эрмитажа...

О Леониде Леонидовиче Оболенском обязательно нужно рассказывать. Раскрутить всю его жизнь, лихо и страшно закрученную вихрями драм и трагедий минувших эпох.

Об этом наш фильм «Ваш «уходящий объект» Леонид Оболенский» (режиссер Юрий Захаров) и будущая книга, которую пишем на основе наших с ним многочасовых бесед, документов, архивных материалов, воспоминаний тех, кто с ним работал, встречался.

Долгие годы имя Оболенского привычно «выпадало» из истории советского кино, о нем почти не писали, под запретом была передача о нем на ТВ. Интересно, под какой формулировкой? Мы так и не смогли дознаться. Таких, как Оболенский, сейчас уже единицы, казалось бы, холить их да лелеять.

Присылает он нам такое письмо: «Получил из Союза кинематографистов предложение заполнить кучу документов для представления меня к званию «заслуженного деятеля».

За внимание — благодарен. Но слишком поздно. Вспомнил (я говорил вам?), что на встрече со зрителями и друзьями в Московском Доме кино несколько лет назад на вопрос, есть ли у меня звания, я ответил: «У меня нет званий, но есть призвание». Зал тепло это принял.

А сейчас я написал, что, пожалуй, задуманное оформление может закончиться тем, что я удостоюсь звания ...посмертно! Лучше не надо... и «благодарю за внимание»...

Хорошо, конечно, что времена меняются. Вот и пенсион старику в Союзе кинематографистов выправили; для человека, многие годы жившего на 80 с чем-то рублей, нынешние 180 — целое состояние! И почтение оказывают. Телеграмму приветственную с Пленума СК послали. Сами секретари Союза с провиантом наведывались. Но куда же денутся годы бедствий, тюрьмы, ссылки, забвения, чиновничьего равнодушия, милицейских запретов, унижительного отсутствия элементарно необходимого для жизни?..

Евгения ТИРДАТОВА,
Петр ЧЕРНЯЕВ

КИРА ДАЛА МНЕ ПОЛЕТ

«Астенический синдром» Киры Муратовой. На экране человек, обезумевший от горя. Женщина потеряла мужа, и теперь для нее реальность смерти затмила реальность жизни. На окружающие ее лица она взирает с ужасом Гамлета после встречи с Призраком. Она одинока, как умирающий человек, но вопреки «правилу» не цепляется за живых, а их отталкивает, отторгает. Они, живые, к ней отношения не имеют и вызывают одно чувство — ненависть. Роль сыграна жестоко, резко, взрывчато. Первое имя в перечне исполнителей — Ольга Антонова.

«Астенический синдром»

Представьте себе такую историю. Девочка учится на курсах при финансово-экономическом институте. Потом год работает и размышляет о будущем. А ее приятель поступает в театральный. Он учит басню, она — случайно — рядом. Она слушает, и ей кажется, что у нее получится лучше. Пока учит он, выучивает и она. И — почему бы не поиграть (слышите колокольчик судьбы?) — решает тоже пойти на прослушивание, впрочем, уверенная, что поступит. И вот — она зачислена.

Похоже, поначалу учится забавляясь, потому что на первом курсе получает «тройку» по актерскому мастерству. «Мне тогда казалось, что и так все умею. Да я и сейчас думаю, выпусти меня тогда на сцену, я бы сделала то же самое, что и после института». Затем ее берет Акимов в Театр комедии. Снова колокольчик — театр находится в том здании, на шестом этаже которого она родилась. Так, став актрисой, Ольга Антонова возвращается в свой дом. Дальнейшее не так безоблачно.

Ее замечают, о ней пишут, ее хвалят. В 1972 году Петр Фоменко ставит в Театре комедии «Этот милый старый дом» Арбузова, затем еще несколько спектаклей, фильм «Почти смешная

история». Но последующие ее работы на TV — «Госпожа министерша» и «Комедия ошибок» — не стали событиями. А годы шли. И вот — «Астенический синдром». «Меня радует, что вышел удачный фильм, что я в таком фильме снялась, рада, что не подвела Киру. Но такое счастье приходит всегда не то что бы запоздало, но уже нет сил на восторг, и не доставляет той радости, какую доставило бы лет 15 назад. Тогда это дало бы новые силы».

Чтобы взять интервью у Антоновой, я приезжаю в Ленинград. Она назначает встречу в театре. На первые вопросы отвечает нехотя. Потом оживляется, в глазах появляется азарт. А в конце беседы заявляет: «Это я сегодня так говорю. Завтра, может, буду думать по-другому».

— В вашей актерской судьбе не было постоянства: то открывают, то...

— Мне всегда приходилось много ждать, томиться, сознавая в себе желание и умение работать. Мы все, наверное, ощущаем себя предназначенными для чего-то, и, как говорит Гафт, по ночам вдохновение душит! Но один находит свой путь, а другой — нет.

— Не возникали ли у вас сомнения в правильности выбранного пути?

— Сомнения? Они всегда есть. Меня, наверное, и теперь легко

убить, а раньше — особенно. Можно одним словом все испортить — все во мне угасает. Это плохое качество, но я считаю, что это происходит от неумения посадить актера на ту почву, где он начинает расти. Нет любви к актерам, нигде — ни в театрах, ни в кино. И лишь избранным удается встретиться с такой режиссурой, которая открывает в тебе что-то, о чем ты и не подозревал, и тогда подымаешь голову и видишь необозримое. Только так рождается настоящее искусство. И только от любви, а я считаю, что искусство — это любовное соединение душ, происходит рождение.

— Как было с Фоменко?

— Да. С Фоменко мы шутили, ссорились, ненавидели, но все равно любили друг друга.

— А с Муратовой?

— Я влюблена в Муратову, и когда театр не разрешил мне сниматься в предыдущем ее фильме, я была очень расстроена. Но с Муратовой мы вообще не разговаривали, не подходили друг к другу. Я ее обожаю, но издала. Я боюсь ей сказать что-то, дотронуться до нее. И если даже скажу, то думаю: «Господи, какая же я дура, с ней же надо не про это говорить».

— Как же вы работали?

— Не знаю. Пока я еще этого не понимаю. Приходила и жила в тех обстоятельствах, которые она мне предлагала. Я играла трагическую роль, но мне, как актрисе, иногда было очень смешно, и я со стороны отмечала, где трагизм, где смешное положение, где трагикомедия.

ПУНКТИР

ЦАРЕУБИЙЦА Когда номер готовился к печати, нам сообщили, что Ольга Антонова утверждена на роль императрицы Александры Федоровны в фильме Карена Шахназарова «Цареубийца». Фото А. Пашвыкина

Я люблю мешать жанры, и Кира мне разрешила это делать.

— Значит, Муратова не открыла в вас ничего нового?

— Нет, открыла. Она дала мне полет. Мне часто снится, что я в толпе, меня преследуют, и я вдруг думаю: «Господи, я умею летать, что же я с ними!» — отталкиваю и взлетаю. Кира дала мне возможность полетать, как во сне, — выйти на площадку и делать все, что я хочу.

В любом творчестве должна оставаться тайна. У Киры Муратовой своя тайна. Читая сценарий, я старалась ухватить ее стиль. Она очень стильный режиссер, как стилист для меня Эйзенштейн. И как «Броненосец „Потемкин“» остался навсегда, так, мне кажется, останутся фильмы Муратовой, с их наивом, дилетантизмом и гениальностью.

— С кем из режиссеров вам хотелось бы работать?

— Мечтаю снова работать с Петром Фоменко, которого считаю своим учителем. Все, что играю сейчас, я адресую ему, так как чувствую, что бы ему понравилось, а что — нет. Конечно же, мечтаю снова встретиться с Муратовой. Хотела бы поработать с Германом. С Сокуровым. Очень жаль, что из-за занятости мне пришлось отказаться от предложения сняться у него. Я в Сокурове предполагаю много неизведанного. И мне безумно нравятся его фильмы, и документальные, и художественные, особенно «Одинокий голос человека», по Платонову. Я даже изумилась: бывает же так гениально и просто! Смотрела и понимала: только так, когда читала, я и видела. А когда происходит совпадение, рождается желание сделать что-то сообща.

— Вас нечасто снимают...

— У меня кинопробы неудачные. Я и Муратовой сказала: если хочет, пусть берет без проб. И она согласилась.

Моя жизнь всегда складывалась так, как мне хотелось.

— Даже когда вы пять лет в театре почти ничего не делали?

— Когда меня не занимали в спектаклях, мне интересно было шить куклы — я их шила. Интересно было сделать спектакль в театре Ленсовета — я его сделала. Меня всегда интересовала политика.

— А как вы относитесь к молодежи?

— Я никогда не приравниваю в толпе к людям моего возраста. Мне кажется, что я — не они. Я чувствую себя молодым человеком по настроению, по стилю одеваться, шутить, интересоваться чем-то. Это дает мне импульс жить, ждать нового.

— Ольга Сергеевна, каким было ваше детство?

— Мое счастливое детство? Помню сильное чувство голода, его я пронесла через всю жизнь. Я и сейчас постоянно есть хочу. В войну, когда мне было три года, у меня родился братишка. Мы переехали из Ленинграда в Свердловск, и там я ходила к какой-то знакомой козе за молоком. Бабка давала мне пол-литровую баночку и кусочек жмыха и говорила: «Сейчас положишь в рот и соси, чтобы дорогой не проглотить». И я сосредоточенно сосала, чтобы не отхлебнуть молока. И еще помню, как дворовой компанией ходили воровать у соседа мороженую картошку из сарая. Поэтому если бы снимали какой-нибудь фильм про голод, то я бы в этом преуспела, но, думаю, не только я.

Очень хотелось посмотреть Ольгу Сергеевну в работе. Съёмки в Ленинграде не было. И мы вдво-

ем едем в Киев на озвучивание телефильма «Мои люди», снятого Олегом Гойдой на Студии имени А. П. Довженко. Антонова в нем неожиданна после «Астенического синдрома». Иная пластика, даже в порывистых движениях нет резкости. Просветленное лицо, ясные, добрые глаза. Она играет бабушку, поющую в ресторане, любящую глотнуть коньяку из заветной фляжки, не любимую никем, кроме внука, и этого внука обожающую. Ее отношения с мальчиком скорее роман, чем привычное сюсюканье. Но при всей экстравагантности в ней есть мудрость, умение понимать и прощать, которые даются человеку за трудную и терпеливую жизнь. Роль мелодраматическая, но ирония актрисы многое меняет.

Приходим после смены в гостиницу киностудии.

— Будьте добры, нам 201-й номер. Там две комнаты и телевизор хороший.

— Но в 201-м диван сломан.

— Ничего, я уже умею его чинить.

Диван мы чиним, но и главное достоинство номера — телевизор — оказывается сломанным. Придется остаться без любимого Ольгой Сергеевной «Взгляда».

Когда мы утром снова приезжаем на студию, наше тонателье занято. Антонова, глядя на дружно закурившую группу: «Вот вы все курите и вроде уже при деле. А я — ни то ни се».

— Забавная у меня получилась командировка: поехала в Ленинград, а оказалась в Киеве!

— Я думаю, у журналиста так и должно быть. Пока всего не почувствуешь, как можно написать? И у меня работа — постоянные переезды.

Иногда просыпаюсь в гостинице и не могу вспомнить, где я.

— Но вам ведь такая жизнь нравится. И как при этой жизни

«Почти смешная история»

удается так потрясающе выглядеть?

Смеется: — Наверное, просто не успеваю стареть.

Гастроли в Харькове для Ольги Сергеевны не состоялись. Еще до поездки в Киев у нее началось воспаление легких. И я снова приезжаю в Ленинград. Приношу отпечатанное интервью, и она тут же вычеркивает добрую половину ответов.

— Я предупреждала тебя, что завтра буду думать иначе.

— Сокращаете не хуже редактора.

— Не зря же я дочь писателя!

Отец Ольги Сергеевны — известный советский писатель Сергей Антонов.

Все хорошее когда-нибудь кончается. Закончился и последний вечер в Ленинграде. «...в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слова, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то я не боюсь жизни». («Чайка». Из несыгранного.)

О. МАУРИНА

«Госпожа министерша»

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Все чаще вы жалуетесь на то, что «Советский экран» не приходит вовремя. Выпущен уже 12-й номер, а многие еще не получили даже девятого. Мы обратились в организации, ведающие доставкой журнала. И вот какие получили ответы.

Ю. С. РЫЦЕВ, начальник отдела распространения издательства «Правда»: «Несмотря на трудности с бумагой, тираж «Советского экрана» печатается полностью, чего нельзя сказать о некоторых других изданиях. Вовремя отправляем его на Московский почтамт и в отделы перевозки почты на столичных вокзалах. Иначе мы работать просто не можем — «Правда» выпускает ежедневно до 4 миллионов экземпляров различных изданий, и задержка даже на день приведет к затовариванию. Если где-то и есть сбои, то не в нашей службе».

А. К. ПЛЕССЦОВ, заместитель начальника Московского почтамта: «Главная наша беда — нехватка рабочей силы. Из-за низкой зарплаты уходят люди. Не хватает трети сортировщиц, поэтому до сих пор не экспедированы последние два номера. Мы нуждаемся в срочной помощи. Да, часть средств, вырученных от повышения цен на периодические издания, будет передана нам. Но вряд ли это существенно поможет. Ведь с нового года резко повышаются тарифы на пользование энергией, водой. Так что практически вся добавка будет «съедена» этими платежами».

А. Н. БАЛАКИН, начальник отдела доставки Главного управления почтовой связи и распространения печати Минсвязи СССР, попросил назвать имена и адреса авторов писем в редакцию, чтобы в каждом конкретном случае проверить обоснованность их претензий. В результате его проверки выяснилось, что в большинстве случаев речь идет о задержках в доставке корреспонденции, причем не всегда по вине почты. Анатолий Николаевич сообщил график поступления «Советского экрана» подписчикам ряда регионов страны, откуда пришли жалобы. Так, в Красноярске № 9 «СЭ» был получен 13 июля, № 10 — 30 июля и № 11 — 17 августа. В Тюмени: № 9 — 28 июля, № 10 — 18 июля, № 11 — 8 августа, № 12 — 31 августа. В Узбекистане: № 9 — 28 июня, № 10 — 12 июля, № 11 — 8 августа, № 12 — 29 августа. Нет информации о поступлении журнала в Азербайджан. Но с Закавказьем — случай особый. Межнациональная рознь, блокада железных дорог не позволяют ритмично доставлять туда центральную прессу. И все же при первой возможности журналы и газеты направляются в Грузию, Азербайджан и Армению.

Редакция благодарит должностных лиц за оперативные ответы. И впредь каждый случай задержки с поступлением журнала к подписчикам будет под нашим контролем.

Тишина в огромном зале стояла необыкновенная, а чем-то даже пугающая. Может быть, это казалось — слишком остро мы переживали каждую минуту. Но вот пошли первые кадры одного из самых моих любимых эпизодов: проводы на фронт. Раздались аплодисменты. Они нарастали, постепенно заглушая экран. И мы, сидя в ложе, почувствовали первое дуновение победы.

С

оречь славной судьбы

Аплодисменты вспыхивали еще, еще и еще раз — смерть Бориса, мой пробег, финал... Рыдание зрителей. Нас окружают, поздравляют, я слышу слова благодарности, восторга, признания. Я ничего не понимаю. Я понимаю только одно: мы победили.

Потом были дни триумфа, пресс-конференции, восторженные рецензии, встречи с прекрасными людьми, которые говорили, что только теперь поняли, что мы пережили в годы войны. А в заключение главная премия Каннского фестиваля присуждается нашей картине — «Летят журавли». И премия Сергею Урусевскому — за лучшую операторскую работу. И премия за лучшую женскую роль — мне, Тане Самойловой, студентке Театрального училища имени Щукина.

Одно из самых последних и самых прекрасных воспоминаний о тех днях — премия «Апельсиновое дерево», которую вручают «самой очаровательной и скромной актрисе фестиваля». Тогда я разделила ее с прелестной французской Франсуазой Арнуль...

...СПУСТЯ ТРИДЦАТЬ ДВА ГОДА. Такой титр мог бы появиться в этом рассказе, будь он снят для кино или телевидения.

«...Я приехала в Париж, но там меня никто не встретил. До Ниццы я добиралась сама. Конечно, безумно растерялась...

В Канне я попросила поселить меня в отеле «Карлтон», где мы жили в наши давние, прекрасные дни. Нет, поселили в другой гостинице.

Я бродила по городу — и одна, и вместе с переводчицей. И не нашла почти ничего из того, что берегла память. Это был новый город с огромным Дворцом кино из алюминия, где пахнет железом. Огромное здание, рассчитанное на девять тысяч зрителей. Не было людей, даривших мне столько радости в прошлом, — Пабло Пикассо, Жоржа Садуля, Жана Кокто, Симоны Синьоре. Они ушли навсегда.

Я прилетела к закрытию фестиваля. Мне сказали: «Вас ждет сюрприз!» Удивилась: в Москве я ничего не знала об этом. Было просто приглашение в Канн. «Какой сюрприз?» — взволновалась я. «Вам будет вручена премия как художнику, внесшему большой вклад в развитие мирового кинематографа», — ответили мне. В прошлом году такой премии был удостоен Федерико Феллини...

К трем часам меня вызвали во Дворец кино — нужно было отрепетировать вечернее торжество на огромной сцене. Меня познакомили с очаровательным молодым французом, который должен был вручить мне награду. Прошла по огромной сцене... Приготовилась... А вечером все транслировалось по телевидению, нас смотрел Париж,

Франция. Я сказала: «Дамы и господа! Наш век невероятен: несколько часов назад я была еще в самолете и не думала, что увижу так много людей, которые признаются мне в любви. Я рада, я счастлива, что на этой земле есть те, кто помнит меня по фильму «Летят журавли». Низко кланяюсь и благодарю».

Два фрагмента из воспоминаний Татьяны Самойловой. Два пика в ее актерской жизни, где все, словно нарочно, сочинено для горького и странного романа.

Тогда, тридцать два года назад, слава обрушилась на нее, юную, внезапно и шквально. Романтическое пыл обновления, который переживало в ту пору советское кино, привел на экран удивительную героиню, не сумевшую совместить себя с жизнью, развороченной и разграбленной войной.

Самой естественностью своих чистых чувств Вероника пыталась отрицать, зачеркнуть притязания войны, ворвавшиеся в ее жизнь. Но не сумела. Да и мало кто сумел бы...

Потрясало лицо актрисы — прекрасное и необычное, в котором так удивительно сочетались древность и современность. В раскосых глазах, высоких скулах, в четких очертаниях нежного рта и мягкой, славянской вздернутости носа — в этом евразийском лице, казалось, проступали таинственные из-

вивы сложной, многовековой истории, судьбы огромного народа, вобравшего в себя кровь, токи, гены тех, кто пришел, и тех, кто остался на нашей земле.

Потрясала скупая, страстная игра Самойловой, возвращавшая нашему кино огромную эмоциональную напряженность женской души, ее мечтательный максимализм, не считающийся ни с какими общественными предписаниями и регламентациями.

Режиссер Михаил Калатозов, постановщик картины, точно понял, что рассказать об этом сможет студентка Самойлова, не похожая ни на одну из звезд тех лет, советскую или западную. Более того — все в ней было вопреки стандартам.

«Журавли» очень высоко воспорхнули и понесли над миром. Таню Самойлову рисовали знаменитые художники, ее портреты печатались на обложках самых модных журналов, журналисты охотились за интервью. Зарубежные режиссеры и продюсеры делали заманчивые предложения. Одно из них — заглавная роль в экранизации «Анны Карениной». Партнер — Жерар Филип, съемки в Америке. Но тогдашний руководитель «Советского Экспортфильма» Давыдов, осердившись, вызвал Самойлову к себе: «Таня! Мы не заинтересованы в тебе одной. Мы хотим, чтобы за рубеж пригласили много наших

Татьяна Самойлова
на премьере фильма
«Летят журавли»
в Доме кино

Режиссер Михаил Калатозов
и Татьяна Самойлова
с призом Каннского фестиваля

Фото Б. Виленкина

актеров. А если берут тебя, это нам невыгодно...» До чего же все печально узнаваемо в каждом слове чиновничьего цинизма!

В ту пору слава еще не была разбавлена для Тани привкусом горечи. Первый взнос сделал товарищ Давыдов. А дальше?

Дальше на гребне успеха «Журавлей» Калатозов задумал снять фильм «Неотправленное письмо». Самойловой была предназначена главная и единственная женская роль, героиню назвали Таней. Но актриса отказалась от роли: ей изначально не доставало плотности характера, конфликтности и, главное, самосжигания на костре чувств, страстей, без которого она не умеет жить в роли свободно и просторно. Она попыталась все это объяснить режиссеру. «Мы дали тебе славу. Служи», — таков был ответ-приказ.

Человек по натуре чрезвычайно благодарный, она пошла «служить». Надолго уехала из Москвы вместе со съемочной группой. Жила в тайге, несмотря на большие легки. Получила тяжелый ожог во время съемок лесного пожара...

Если бы «Неотправленное письмо» стало для Самойловой радостью, неким новым свершением! Но этого не было. Созданная для высокого трагедийного пафоса, она была использована почти как модель.

Говорят, крупный план требует от актера максимальной пластической точности. У Самойловой эта способность, кажется, врожденная. Однако не раз в видеела на съемке, как она мучительно «натягивает» на себя роль, как тягостно ей в этой убогой драматургии, скудной морали. Декларативность и примитивность убивали присущее Самойловой порывистое воодушевление, которым она живет, когда героиня — «по ней».

Такая ситуация повторялась не раз и не два.

Через десять лет после победы «Журавлей» Самойлова сыграла Анну Каренину у себя на родине.

Журналисты усердно писали о «шестнадцатой» кинематографической Анне. Всплывали великие тени прошлого — Аста Нильсен, Грета Гарбо, Вивьен Ли. Но надо ли было упоминать, сравнивать...

Татьяна Самойлова сыграла Анну так, как могла ее сыграть только Татьяна Самойлова. С ее импульсивностью, романтической нетерпимостью, незащищенностью и полудетской обаятельной непосредственностью, что и составляет, быть может, самое существо женственной прелести ее Анны.

Роль по-своему подвела черту. Актриса снималась и позже — нечасто, в эпизодах. Силы ее были (и остаются!) далеко не исчерпаны. Но в считанных (сравнительно с ее коллегами) ролях она творчески, человечески никогда не изменяла своей цельности и подлинности.

За это, вероятно, Франция удостоила Татьяну Самойлову одной из самых высоких премий в мире кино. Удостоила — в отличие от нас, ее соотечественников, для которых по-прежнему нет пророков из числа живых, тех, кто рядом с нами...

Эльга ЛЫНДИНА

неглавная роль

ИГРА ВСЕРЬЕЗ

У него на квартире было четыре обывателя. Последний в 1986-м — по поводу «хранения и просмотра порнографического фильма «Однажды в Америке». Сегодня эта замечательная лента С. Леоне широко идет в кинотеатрах. А тогда лишь благодаря вмешательству Никиты Михалкова, убедившего стражей порядка в том, что «Однажды в Америке» — образец высокого искусства и отнюдь не «порнуха», Владимиру Федорову удалось избежать неприятностей.

А вообще-то этого человека, не похожего на других и ведущего к тому же достаточно нетривиальный образ жизни, долгие годы считали «неблагонадежным». Джазом увлекается, «Голос Америки» слушает...

Когда Федоров заканчивал школу, учителя прочили ему примерно одно и то же: «Тебе, Володя, нужна будет пенсия по инвалидности». Иной судьбы для него никто не представлял. А он инженер-физик, кандидат наук. Помимо этого, активно снимается в кино. Уже больше двадцати лет. И сам сбился со счета, в скольких картинах снялся: может, в тридцати, а может, уже и в сорока. Особенно много в сказках.

Играть приходилось в основном шотов-карликов, гномов, злодеев, подручных у душегубов и прочую «мелкую пакость». Чаще всего это колоритные, но второстепенные персонажи. Как личности они мало что из себя представляли. И это немного обидно для исполнителя.

— Довольно часто мой персонаж — самый отрицательный в фильме, — делится Владимир Анатольевич. — И, заметьте, тем самым в сознание зрителя внедряется мысль, что карлики — злобные и завистливые люди, враждебные добрым и порядочным «высоким». А это, в свою очередь, усугубляет наше бескультурье... Что характерно, во многих сценариях моя роль так и называлась — «карлик», как будто автору трудно было придумать хоть какое-нибудь имя. Я уж не говорю — личность!

Мы беседуем с Владимиром Анатольевичем в его московской квартире, похожей и на мастерскую, и на лабораторию, и на библиотеку. На стенах портреты В. Высоцкого, А. Сахарова, рекламные плакаты к фильмам, в которых снимался Федоров; взгляд натывается то на статуэтки замысловатой формы, то на висящие конструкции из проволоки и металла.

— Это мои композиции, — поясняет хозяин дома и продолжает: — Рождение человека от него самого не зависит. Кто знает, почему я уродился таким? Мои родители, два брата, мой сын, наконец, — такие, как все. А я вот... Но, к счастью, не отношусь к той категории людей, для кого брошенное окружающими «ты не такой, как мы» или пуще того — «уродец» становится трагедией всей жизни. Были, конечно, сложности, но я не терял надежды, боролся с самим собой.

...Он был еще школьником, когда из семьи ушел отец, тяжело заболела мать. Надо было обслуживать себя, помогать братишкам. Казалось, тут не до учебы. Но у Володи возникает интерес к технике, он пытается собирать мотоциклы (после войны было много бро-

«Дикая охота короля Стаха»

«Через тернии к звездам»

«Любовные затеи сэра Джона Фальстафа»

льях», «Фальстафе», «Кин-дза-дза!», «После дождичка, в четверг...» и «Раз, два — горе не беда». На режиссера возло, а с особой теплотой артист вспоминает работу с Ричардом Викторовым («Через тернии к звездам») и Валерием Рубинчиком («Дикая охота короля Стаха»).

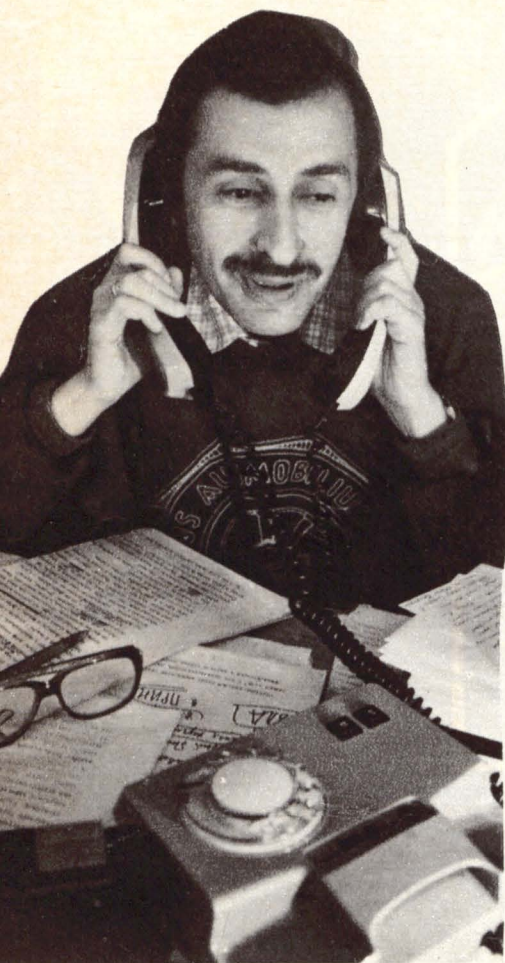
— Они очень требовательны, но помогли мне утвердиться как актеру, — говорит Федоров. — А это, в свою очередь, помогало выстраивать характеры моих персонажей, рожденных чьим-то воображением.

...Воображение Владимира Федорова, надо сказать, тоже весьма богато. Например, уже много лет он придумывает разные «сувениры», подобные которым начали делать лишь сейчас... Матрешка с густыми бровями и пятью звездами Героя. Открываем — а там матрешка поменьше, тоже с бровями, но уже с четырьмя звездами и так далее. Или фарфоровая статуэтка Горького. Внизу надпись «Горький» — а сама статуэтка для хранения перца.

Была у Федорова еще одна вещица в прошлые годы — проволочная «пена» от трансформатора. Называл он эту конструкцию «Генеральная линия». Друзья понимали скрытый здесь символ, им нравилось. Но кто-то сообщил «куда следует». И вот уже девять сотрудников КГБ изымают в квартире Федорова зарубежную литературу, магнитные пленки, документы, кассеты. Обвиняют чуть ли не в связи с иностранными спецслужбами. Нелепица, как в плохом детективе. Месяц Федоров находится под домашним арестом. На съемки выезжать, правда, разрешают, но в сопровождении бдительного сотрудника. Просят даже режиссера А. Алова и В. Наумова, у которых артист тогда снимался, дать показания по делу «связного иностранной разведки».

Впереди — новая встреча с Федоровым в фильме «Закат» режиссера А. Зельдовича.

Дмитрий ЛОСЕВ

— Как всегда, снимаюсь, — сообщил **Баадур ЦУЛАДЗЕ**. — В лесах под Выборгом интернациональная съемочная группа работает над 13-серийной картиной «История Аляски» — экранизацией рассказов Джека Лондона. Американские и советские актеры, польский оператор и английский постановщик Джеймс Хилл — тот самый, что когда-то снимал знаменитый фильм о львице — «Рожденная свободной». А на нашей съемочной площадке — боксерский «Матч века» в цирке «Карлуччи». Директора цирка играю я. В дремучем лесу построили настоящий ковбойский городок с гостиницами, магазинами, салунами и цирком.

— На каком языке там говорят актеры?

— На английском! Слава Богу, в детстве немножко учил.

В эксцентрической комедии режиссера Георгия Овчаренко «Украли обезьянку» играю некоего человека кавказской национальности по имени Булат, приехавшего в Москву покупать сынишке львенка...

— Ну, а я в этом фильме тружусь в непосредственном контакте с тигром, — рассказала **Татьяна ДОГИЛЕВА**. — Тигра зовут Тэд, ему полтора года, таскаю его на ошейнике. Он совсем ручной...

Завтра улетаю в Душанбе. В «Афганском изломе» у режиссера Владимира Бортко играю медсестру Катю. Да-да, опять медсестру. Как в «Забытой мелодии для флейты». Только на этот раз мой партнер Микеле Плачидо.

Ну, и наконец, «Яма». Об этом фильме молодого киевского режиссера Светланы Ильинской «Советский экран» рассказывал. Даже фотографию мою на обложке поместили. Я эту обложку поставила на самое видное место и смотрю с удовольствием.

Юозас БУДРАЙТИС чрезвычайно немногословен:

— В Минске только что сыграл в картине Юрия Елхова «Прости нас, мачеха Россия!». С Елховым мы уже работали на картине «Кош-

кодав Сильвер». И снова у меня главная роль. О чем фильм? О войне, о том, как прошлое соприкасается с настоящим.

Людмила ГУРЧЕНКО:

— Будрайтис — мой партнер в этом фильме. Это мое, близкое мне.

Закончила работу у режиссера Светланы Дружининой в фильме «Виват, гардемарины!» — продолжении уже почти легендарного сериала. Играю мать юной Екатерины Второй. И еще одна картина — «Нелюдь, или В раю охота запрещена», где у меня главная роль. Режиссер Юрий Иванчук. Уже по тому, что сценарий написан Аркадием Вайнером, ясно: это детектив.

Какие новости у **Вячеслава ТИХОНОВА**?

— К сожалению, ничего «для души» не удалось найти в тех сценариях, что мне присылают. Поэтому терпеливо жду. Жду и надеюсь, что все-таки придет роль, с помощью которой удастся поведать людям что-то нужное и важное. Ну, а пока снялся в картине «Любовь с привилегиями» режиссера-дебютанта Владимира Кучинского. Партнерша — Любовь Полищук.

— Ваша дочь сейчас так много снимается...

— Она уехала на пробы в Ленинград.

Через пару дней позвонил **Анне ТИХОНОВОЙ**. Она рассказала:

— Снимаюсь у Георгия Натансона в фильме «Взбесившийся автобус». В основе история, происшедшая два года назад, когда террористы захватили автобус с детьми... У меня роль учительницы.

Готовлюсь к съемкам в музыкальной комедии «Влюбленный манекен» режиссера Виталия Макарова. Это история о девочке из провинции, которая едет в большой город на конкурс красоты. Мне там, наверно, придется петь.

Веру ГЛАГОЛЕВУ поймал вечером в гостиничном номере в Ленинграде.

— В телевизионном фильме «Короткая игра в рэкет» у меня роль жены главного героя. Вернее, бывшей жены. Роль небольшая, потому что главное для меня сейчас — это собственная картина, мой режиссерский дебют. Снимаем ее здесь, в Ленинграде, на студии «Эдельвейс». Пока ничего о фильме говорить не буду. Скажу только, что сценарий Светланы Грудович, что фильм называется «Сломанный свет», у меня — главная роль.

Эммануил ВИТОРГАН:

— Как всегда, преобладают детективы. У режиссера Марка Айзенберга в фильме «Живая мишень» я — прокурор. У Анатолия Бобровского — полковник МУРа (картина называется «Не будите спящую собаку»). У Георгия Натансона во «Взбесившемся автобусе» — начальник департамента министерства иностранных дел Израила. Снялся также в главной роли на «Ленфильме» в очень интересной работе под названием «Когда святые маршируют» — о джазменах 60-х годов...

Приглашен сниматься еще в две картины. К Игорю Воскресенскому — в мощный детектив под названием «Фирма приключений». Предложили роль комиссара полиции. Действие происходит где-то в Западной Европе, но снимать почему-то собираются в Бомбее. И к режиссеру Евгению Васильеву. Он предложил странную для меня роль заведующего районо где-то в российской глубинке. Ну, какая с моей внешностью может быть российская глубинка? Честно предупредил, что буду работать с острохарактерным уклоном...

Василий МИЩЕНКО, актер театра «Современник».

— За последнее время есть ли у вас удачные роли в кино?

— Удачные или неудачные — судить зрителям. Но что-то, думаю, получилось у режиссера Геннадия Полоки в фильме «А был ли Коротин?». Я играл там Цыбу. И у Рудольфа Фрунтова в картине «Дураки умирают по пятницам», в роли Андрея.

— Ваш любимый западный актер?

— Николсон.

— Над чем работаете?

— Над ролью Ивана Бездомного из «Мастера и Маргариты» Булгакова. Надеюсь сняться в этой роли у Элема Климова, хотя он мне этого не предлагал.

— Ваше любимое литературное произведение?

— Сказка о Колобке.

— ?..

— Считаю, что эта сказка очень похожа на «Гамлета» Шекспира. Колобок и Гамлет — родственные души.

— Что бы вы хотели?

— Никому не быть обязанным.

— Вы счастливы творчески?

— Не совсем, но гневить Бога не хочу.

— Жду выхода на экран фильма Радомира Василювского «Рок-н-ролл» для принцесс», — сказала **Светлана НЕМОЛЯЕВА**. — Непривычно быть капризной, сумасбродной королевой, которая совсем не желает управлять королевством.

Еще — эпизод в картине Рустама Хамдамова «Анн Карамозофф». Для меня интересно было встретиться с Жанной Моро — она откуда-то из другой жизни, но актеры всегда понимают актеров. В телеэкранизации «Села Степанчиково» (это режиссер Лев Щудльковский) сыграла полусумасшедшую Татьяну Ивановну. Молодой режиссер Иван Василев экранизирует очаровательную французскую пьесу «Блез» — этакую комедию положений в стиле Пьера Ришара. Я — экстравагантная миллионерша. Снимаюсь с мужем — Александром Лазаревым.

Вернулась в кино после перерыва **Марина ЯКОВЛЕВА**. Она теперь мама.

— У меня двое сыновей: старшему, Феде, три года, а младшему, Ванечке, год.

В последние месяцы сыграла в двух небольших ролях. Одна —

КАК ЖИВЕШЬ, ДОРОГОЙ?

Один поворот телефонного диска, и город далекий становится близким...

Летом актеров можно застать только поздно вечером и только в киноэкспедициях. И потому каждый вечер я садился с блокнотом к телефону и звонил. В Ялту и Тбилиси, в Ленинград и Вильнюс, в Выборг и Минск...

Работа, роли — жизнь актера, и потому любимая фраза Мамуки Кикалейшвили (см. стр. 2—3) стала и моим главным вопросом к абонентам: «Как живешь, дорогой?»

— В кино в последнее время почему-то предлагают в основном роли в фильмах откровенно коммерческих. Ну, а нам в этом, по моему, с Западом тягаться трудно.

В театре-студии Олега Табакова у меня в этом году была замечательная роль — Елизавета Александровна в «Обыкновенной истории» Гончарова. Сейчас репетируем «Матросскую тишину» Галича. Наверно, буду работать на телевидении в «Тенях» по Салтыкову-Щедрину.

Может быть, оттого, что поиграла в театре классику, не хочу размениваться на ерунду в кино. Хочется сыграть в картине о любви.

Пожалуй, труднее всего оказалось переговорить с **Арменом ДЖИГАРХАНЫНОМ**. Представляю, как я надоел его домашним. У этого актера, как всегда, чрезвычайно много работы:

— В «Шапке» режиссера Константина Воинова сыграл, на мой взгляд, смешную роль маршала Побратимова. В картине Георгия Даниеля «Паспорт» — Семена Клайна, который эмигрировал в Израиль, но душа и сердце его остались здесь. В фильме молодого режиссера Хусейна Эркенова «Сто дней до приказа» у меня небольшая роль полковника. По-моему, хороший фильм, поскольку призывает спокойно поразмышлять о нашей жизни. Снялся у Виктора Титова в ленте под названием «Анекдоты». Очень люблю Титова и волнуюсь за эту картину. Наконец, сыграл в комедии под названием «Украл обезьянку».

И, наконец, театр. Мы репетируем пьесу Рэттигана «Виктория», посвященную адмиралу Нельсону и леди Гамильтон.

Все последующие абоненты объединены участием в комедии Аллы Суриковой «Чокнутые». Съёмки этой картины, посвященной сооружению первой в России железной дороги, шли в Ленинграде. Репортаж со съёмки читатели прочтут в одном из следующих номеров журнала. Пока слово **Ольге КАБО**:

— Моя героиня Мария — святая. Самая настоящая святая. Она спустилась с небес на землю, чтобы помочь героям. Как играть святую? Мне как раз и интересно найти эту грань: с одной стороны, шептунья девчонка, с другой — загадочная: она ведь знает заранее все, что произойдет с героями, бережет их от опасности.

Новый поворот — работа с Львом Кулиджановым. Фильм называется «Умирать не страшно». Это 35-й год. Всего один день из жизни моей героини Ксении. У нее две дочки, играют их внучки Льва Александровича. Мы с ними в перерывах рисуем в актерской комнате...

Заканчивается работа над фильмами «Блуждающие звезды» Всеволода Шиловского и «Рыцарский замок» Сергея Тарасова. У Георгия Юнгвальд-Хилькевича в фильме «Двадцать лет спустя» играю герцогиню де Шеврез.

Никогда не работала в театре, разве что во ВГИКЕ играла Раневскую, а сейчас пригласили в Театр Советской Армии на роль Нины в «Маскарад». Арбенин — Олег Борисов...

— В фильме «Чокнутые» играю Стефенсона — того самого, который придумал паровоз. — похвастался **Александр ШИРВИНДТ**. — Россияне хотят купить у него паровоз, а он пытается всучить Расее экземпляр похуже и дико удивлен прозорливости покупателей...

У Михаила Козакова в «Тени» (по Шварцу) буду Цезарем Борджиа — одним из самых главных подонков. Наконец, начал сниматься в совме-

стном с итальянцами фильме «Осада Венеции» — вместе с Абдуловым, Смоктуновским, Ларионовым.

— У меня здесь довольно серьезное дело, потому что главная роль, — сказал о фильме «Чокнутые» **Николай КАРАЧЕНЦОВ**. — Сценарий лихо закручен. Моя роль сначала писалась на совсем молодого актера, но мы с Аллой Ильиничной решили, что, может быть, так и лучше. Ведь мой герой — битый-перебитый жизнью, авантюрист по натуре, немножечко Хлестаков, немножечко Бендер...

В Одессе у Александра Павловского в картине с рабочим названием «И черт с нами!» пытаемся показать, как мы все готовы к появлению «хозяина», вождя: поколение должно смениться, прежде чем перестанем быть стадом или — скажем так — коллективом и станем личностями.

В Ленкомме Марк Анатольевич Захаров репетирует пьесу молодого драматурга Дмитрия Липскерова «Школа для эмигрантов». Имеется в виду не эмиграция из страны, а эмиграция «внутренняя». Пьеса о тех, кто не вписался в этот мир. В ней всего два героя. Репетируют два состава: один — Абдулов и Збруев, другой — Янковский и я.

— Не знаю, что из всего этого получится, но абсолютно убежден, что затея замечательная, — так прокомментировал **Леонид ЯРМОЛЬНИК** работу в «Чокнутых». — У нас так много нерешенных проблем, которые в ближайшие полвека все равно решить не удастся, что хочется говорить о прошлом. И о будущем. Эта картина — как раз мостик между прошлым и будущим. Короче, если будет выдержан жанр, получится ненавязчивая, ироничная история о нас, о наших бедах, трудностях и мечтах.

— Вы там стучач...

— Считаю, что это лучшая роль в картине. Он добрый, он замечательный, он романтик — мой Тихон Зайцев. Просто в свое время ему предложили достаточно интересную работу. Сейчас-то у нас меньше людей сотрудничают с этим ведомством, поскольку там сократили штаты, а в принципе стучачество всегда было в традициях этой земли. Впрочем, если Тихону предложат что-то более интересное, он с удовольствием согласится, чему пример — сюжет «Чокнутых».

Завершаются съёмки совместной с французами картины «Одиссея капитана Блада» (режиссер Андрей Праченко). Наверное, ясна моя тенденция не участвовать в нравоучительных и «чернушных» картинах не потому, что меня это не интересует, а потому, что, по моему, это дела вчерашнего, а не завтрашнего дня. А «Одиссея...» — о любви, о злодействе, она о том времени, когда за предательство убивали, и убивали жестоко, но все было настоящим — и масло жирнее, и баранина вкуснее.

Считается, что в кино все понарошку. Если ветер подул — все ментально сносит. И вот оружейники Киностудии имени А. Довженко сделали такое натуральное оружие — мечи, шпаги, — что наш современник поднять их не сможет, не то что ими драться. Когда на меня надели металлические доспехи, кирасу, минут через пятнадцать понял: не могу не то что играть — сидеть и стоять. Режиссер подхихкивал, а я дал слово после съемки надеть все это на него. Вот так впервые в жизни убедился, что в кино не нужно ничего натурального — в этом случае начинаешь о другом думать и о другом заботиться...

У телефона дежурит **Александр КОЛБОВСКИЙ**.

СОВЕТСКИЙ
Экран

№ 15 • 1990

КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА СССР
ПО КИНЕМАТОГРАФИИ И СОЮЗ
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
ОСНОВАН В 1925 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В 20 ДНЕЙ

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Главный редактор
В. П. ДЕМИН

Редакционная коллегия:
Ф. И. АНДРЕЕВ
(заместитель главного редактора),
А. В. БАТАЛОВ,
Ю. А. БОГОМОЛОВ,
Б. В. ГОЛОВНЯ,
В. А. ГОЛОВАНОВ,
А. М. ЗОРКИЙ
(ответственный секретарь),
А. А. МИНДАДЗЕ,
Т. О. ОКЕЕВ,
Е. Н. ПТИЧКИН,
Г. И. РЕРБЕРГ,
С. И. РОСТОЦКИЙ,
Э. А. РЯЗАНОВ,
А. К. СИМОНОВ,
А. Е. СУЗДАЛЕВ,
О. С. ТЕСЛЕР
(главный художник),
Л. А. ФИЛАТОВ,
С. И. ФРЕЙЛИХ,
Т. М. ХЛОПЛЯНИНА
(первый заместитель
главного редактора),
К. Г. ШАХНАЗАРОВ

Художественный редактор
Л. Н. Гудкова
Оформление
Г. И. Огородникова

№ 15 (801) — 1990 г.
Сдано в набор 28.08.90.
Подписано к печати 10.09.90.
Формат 70×108½.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60.
Уч.-изд. л. 8,60.
Тираж 1 000 000 экз.
Заказ № 2753.
Цена 60 коп.

ПИШИТЕ ПО АДРЕСУ:
125319, Москва, А-319,
ул. Часовая, 5-б.
Телефон редакции:
152-88-21.

Фото, адреса актеров, ноты
и тексты песен редакция
не высылает.
Рукописи, рисунки
и фотоснимки
не возвращаются
и не рецензируются.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

На обложках —
актер
Мамука
КИКАЛЕИШВИЛИ
(см. стр. 2—3)
и актриса
Маргарита
ТЕРЕХОВА
(см. стр. 4—5)

Фото
Николая Гнисюка,
Владимира Мурашко

исполкомовская уборщица в комедии Александра Панкратова-Черного «Система «Ниппель». Другая — драматическая, даже трагическая роль у Самвела Гаспарова в картине «Стервятники на дорогах».

Ну, и самое главное — репетирую главную роль в одном из московских театров. Это сценический дебют.

На удивление легко дозвонился в Ленинград домой **Кириллу ЛАВРОВУ**. Оказалось: в БДТ, художественным руководителем которого он стал немногим более года назад, каникулы.

— Что касается кино, то этот год у меня был щедрым на предложения, и увы, малоэффективным. Причина простая: трудный сезон в театре. У нас прошла чрезвычайно важная премьера: режиссер Теомур Чхеидзе поставил «Коварство и любовь». Первая премьера после того, как мы лишились Георгия Александровича Товстоногова. Теперь, после перерыва, можно вернуться и в кино. Буквально на днях режиссер Владимир Мартынов начинает снимать комедию под названием «Шкура». Там много старых, добрых знакомцев: оператор Владимир Нахабцев, а из актеров — Виктор Проскурин, Вячеслав Невинный...

Звоню дальше. Несколько дней не заставал дома **Марину ЗУДИНУ**. Потом выяснилось: была с театром на гастролях.

СОВЕТСКИЙ
Экран

Маргарита
ТЕРЕХОВА

